

ОТ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

От главного редактора	2
-----------------------------	---

НОВОСТИ НАУКИ И БИЗНЕСА

Лекция профессора В. С. Белых «Экономическое право (российская версия)»	7
Международный форум «Российское право»	8

ЦИФРОВАЯ ЭКОНОМИКА

Белых В. С. belykhvs@mail.ru Цифровая экономика и развитие предпринимательского законодательства России	9
Бородушко И. В. bi08@me.com, Шишкин С. Н. sergey.n.shishkin@gmail.com Государственное регулирование деятельности топливно-энергетического комплекса России в условиях цифровизации	13

МЕДИЦИНСКОЕ ПРАВО

Понкин И. В. i@lenta.ru Медицинское право в условиях цифровизации	22
Мохов А. А. med-farm-law@mail.ru К вопросу о биоресурсных центрах и биоколлекциях	26
Шаяхметова А. Р. alinashr@yandex.ru Проблемы оказания медицинских услуг в социальной сети Instagram	31
Тасалов Ф. А. ftasalov@gmail.com Особенности осуществления закупок в сфере здравоохранения в период пандемии коронавируса: комментарий изменений законодательства о контрактной системе	35

ТРАНСПОРТНОЕ ПРАВО

Бажина М. А. mashsol@mail.ru Транспортный кодекс Российской Федерации – «научный экстремизм» или закономерное требование развития правового регулирования?	42
---	----

ЭНЕРГЕТИЧЕСКОЕ ПРАВО

Шафир А. М. shafir07@mail.ru Юридические и технические нормы законодательства о мощности в энергетике	45
--	----

ПРАВОВЫЕ ЗАКЛЮЧЕНИЯ

Гаевская Е. Ю. ekaterinagaevskay@yandex.ru, Вагина О. В. bmpmag@mail.ru Санитарные правила и нормы: возможно ли распространить их действие на отношения, возникшие до вступления указанных правил в силу?	56
--	----

ВОСПОМИНАНИЯ ОБ УЧИТЕЛЕ

Воспоминания об Учителе, коллеге, товарище	60
--	----

ПОЗДРАВЛЕНИЯ

Поздравление с юбилеем Г. Г. Пиликина	63
---	----

Уважаемые читатели!

На пороге лето, дождалась тепла и ярких солнечных дней. А что душа? Она в полете. Люби, уже пора!

3 – 4 июня состоится XIV сессия Европейско-Азиатского правового конгресса «Право как ценность». Правовой конгресс является одной из крупнейших в России международных площадок для обсуждения актуальных проблем, стоящих перед сообществом юристов. Юридический форум такого масштаба не случайно проводится в Екатеринбурге, который расположен на границе Европы и Азии и представляет собой узловой центр, обеспечивающий реализацию политики современной России в сфере промышленности, экономики, образования, науки и культуры. Примечательно, что XIV сессия конгресса — одно из ключевых мероприятий Плана подготовки к празднованию 300-летия основания города Екатеринбурга. Деловая программа конгресса — это известные спикеры и качество дискуссий. Главная задача конгресса — обеспечить открытый обмен мнениями по актуальным для юридического сообщества, представителей органов государственной власти и бизнеса проблемам. Одна из них — цифровое право и экономика.

В программу XIV сессии конгресса наряду с заседаниями экспертных групп и круглых столов включены VI Алексеевские чтения на тему «Социальная ценность права в современном обществе», посвященные памяти выдающегося ученого-правоведа, основателя уральской школы теории права, одного из авторов Конституции и Гражданского кодекса РФ Сергея Сергеевича Алексеева. Кроме того, на площадке конгресса впервые состоятся Яковлевские чтения на тему «Служение праву», посвященные памяти известного ученого и государственного деятеля, внесшего неоценимый вклад в развитие юридической науки и практики, первого председателя Высшего Арбитражного Суда РФ, члена-корреспондента Российской академии наук, советника Президента Российской Федерации Вениамина Фёдоровича Яковлева.

Деловую программу конгресса дополнит серия музейно-выставочных экспозиций (экспозиции музея истории СЮИ-УрГЮА-УрГЮУ, музея им. С.С. Алексеева, выставка работ С.С. Алексеева, выставка западноевропейской литературы XVII – XIX вв., представленной в фонде редкой книги УрГЮУ). Информация на сайте УрГЮУ.

Дорогие читатели! В это непростое время редакция журнала «Бизнес, менеджмент и право» желает вам крепкого здоровья, новых идей, успешных проектов и неиссякаемого жизненного оптимизма!

*С уважением,
Главный редактор*

В. С. Белых

CHIEF EDITOR'S COLUMN	
Chief Editor's Column	2
BUSINESS AND SCIENCE NEWS	
.....	7
DIGITAL ECONOMY	
V. S. Belykh belykhvs@mail.ru Digital economy and development of of business legislation in Russia.....	9
I. Borodushko bi08@me.com, S. Shishkin sergey.n.shishkin@gmail.com State regulation of fuel and energy complex operation in Russia in the context of digitalization.....	13
MEDICAL LAW	
I. Ponkin i@lenta.ru Medical Law in conditions of digitalization.....	22
A. Mokhov med-farm-law@mail.ru On the issue of bioresource centers and biocollection.....	26
Shayakhmetova A.R. alinashr@yandex.ru Problems in health care delivery in social network Instagram.....	31
Ph.A. Tsalov ftasalov@gmail.com Public procurement in the health sector during pandemic coronavirus: commentary on the relevant public procurement legislation.....	35
TRANSPORT LAW	
M. Bazhina mashesol@mail.ru Transport Code of the Russian Federation –“scientific extremism” or lawful requirement for the development of legal regulation?	42
ENERGY LAW	
A. M. Shafir shafir07@mail.ru Legal and technical regulations of legislation on capacity in energy sector	45
LEGAL OPINIONS	
E. Yu. Gaevskaya ekaterinagaevskay@yandex.ru, O. V. Vagina bmpmag@mail.ru Sanitary rules and regulations: is it possible to extend their validity to relations, having arisen before these rules entered into force?	56
REMINISCENCES ABOUT THE TEACHER	
Reminiscences about the teacher, colleague, and friend.	60
CONGRATULATIONS	
Congratulations on the anniversary of G.G. Pilikin.....	63

CHIEF EDITOR'S COLUMN

Chief Editor's Column

BUSINESS AND SCIENCE NEWS

DIGITAL ECONOMY

V. S. Belykh belykhvs@mail.ru Digital economy and development of of business legislation in Russia

Abstract: The article discloses such concepts as «digital economy,» «digital business,» and «digital law. It is noted that the digital economy and the real economy closely interact with each other. The author believes that the digital economy is a sector of the national economy. Further, it is said about the correlation between real and financial sectors of the economy. In conclusion, the author formulates proposals for the development of the Russian legislation in general and business legislation in particular.

Keywords: digital economy, digital business, digital rights, real sector, financial sector, business legislation, the main ways and concept of its development in the context of digitalization.

I. Borodushko bi08@me.com, S. Shishkin sergey.n.shishkin@gmail.com State regulation of fuel and energy complex operation in Russia in the context of digitalization

Abstract: The article presents the analysis of the basic prerequisites, significance, content and approaches to the state regulation of fuel and energy complex of Russia in modern conditions. The purpose of the article is to assess the current situation in the field of state regulation of relations in the energy sector. The need for increased attention to the management of the energy sector is dictated by its dominance in the country's export potential, status of the general energy resources supplier on the domestic market, at the same time its position remaining far behind the leading countries in terms of the industry's digitalization and share of products of high redistribution levels, etc. The establishment of a single set of regulatory documents defining the key vectors of fuel and energy complex development and the actions of government institutions to fulfil the set goals is a notable achievement. The priority spheres of government regulation of the energy sector include safety and transition to end-to-end digital technologies.

Keywords: fuel and energy complex; state regulation; energy security; digitalization.

MEDICAL LAW

I. Ponkin i@lenta.ru Medical Law in conditions of digitalization

Abstract: The article is devoted to the legal explanation of the peculiarities of the transformation of medical law and, in general, regulation in the field of healthcare under the conditions and under the influence of digitalization. The author predictively shows the directions and modalities of such a transformation.

Keywords: digitalization, medical law, pharmaceutical law, bioethics as a system of normative regulation (lex biomedical), regulatory space, innovation.

A. Mokhov med-farm-law@mail.ru On the issue of bioresource centers and biocollection

Abstract: Biotechnologies are developing rapidly. The beginnings of bioeconomics and its individual industries and sectors are being formed. There are new opportunities for the state, society, and the individual. At the same time, individual risks are also increasing, and the burden on the biosphere is growing. The emerging bioeconomy infrastructure should, on the one hand, contribute to the accelerated development of new technologies, on the other, ensure biological diversity, biological security, and neutralize real and potential threats and risks. In the emerging infrastructure of bioeconomics, not only biobanks play a significant role as specialized repositories of biological objects and biomaterials, but also bioresource centers that form and support biological collections (plants, animals, microorganisms, viruses, etc.). Due to the novelty of such bioresource centers as subjects and biocollections as objects, complexes, an attempt is made to understand them, to determine the vector of development of national legislation on bioresource centers and biocollections in Russia.

Keywords: biotechnologies, bioeconomics, biodiversity, biosafety, infrastructure, biological objects and samples, biological collections, bioresource centers, biobanks, legislation.

Shayakhmetova A.R. alinashr@yandex.ru Problems in health care delivery in social network Instagram

Abstract: The market of services in the modern world is diverse. Services are provided everywhere, and the provision of medical services on the social network Instagram is gaining popularity. The article focuses on the legal regulation of medical services provided by individuals independently without the participation of medical organizations. The terms of service provision and issues of bringing the contractor to responsibility are considered.

Keywords: medical service, social network, responsibility, medical activity, account, medical organization, tort liability, infliction of harm, medical intervention.

Ph.A. Tsalov ftasalov@gmail.com Public procurement in the health sector during pandemic coronavirus: commentary on the relevant public procurement legislation

Abstract: The article is focused on the public procurement legislation in the health sector during pandemic coronavirus. This paper attempts to explain new rules on technical specifications, public procurement methods in acquiring medicines, medical devices and medical equipment. Special attention is paid to life-cycle public contracts in the health sector.

Keywords: public procurement; life-cycle public contract; medicines; medical devices; medical equipment; competitive bidding; electronic public procurement; economic operator; pandemic coronavirus.

TRANSPORT LAW

M. Bazhina mashsol@mail.ru Transport Code of the Russian Federation – “scientific extremism” or lawful requirement for the development of legal regulation?

Abstract: The article deals with the main question of transportation law – the way of transportation legislation development. The author shows the main scientific approaches to the systematization of transportation legislation. There is argumentation for the necessity of systematization of transportation legislation in the way of adoption of the single codified act – Transportation Code of the RF.

Keywords: Transportation Code of the RF, systematization, codification, transportation legislation.

ENERGY LAW

A. M. Shafir shafir07@mail.ru Legal and technical regulations of legislation on capacity in energy sector

Abstract: The legislation does not separate the concepts of capacity of electric power (energy) and capacity of generating devices (generating capacity). In addition, when analyzing this concept, the existing interrelation and interaction of legal and technical norms in the process of legislative regulation of capacity, which determines the technical and legal nature of this legislation, is not taken into account. The characteristic of energy described in literature as an independent commodity leads to its separation from the main purpose of the contractual obligations of the parties, the subject of which is the obligation of the power supplying organization to supply the subscriber with energy through the connected network. But the characteristic of capacity as no more than a quantitative or qualitative indicator of energy cannot be accepted, because it takes this notion beyond the limits of legal relations on energy supply. In relations based on the model of power supply, capacity as an economic-legal concept is a technical, technological and other kinds of activity, carried out by any (not only transmitting electric and thermal energy) supplying organization by the connected network to maintain equipment (generating devices at power supply) in such a condition that ensures the generation and transfer of resources in the quantity and quality specified in the contract with the consumer for the use of the consumer. Power in the power industry as an object of technical and legal regulation can be defined as special legal rules established by the competent authorities, by means of which technical characteristics of the equipment are established, compliance with which allows ensuring the availability of the generating equipment of the supplying organization for power generation of the quantity and quality specified by the contract, as well as technical characteristics of the transmitted power.

Keywords: power supply, electric power capacity, generating capacity, legal and technical rules of electric power legislation.

LEGAL OPINIONS

E. Yu. Gaevskaya ekaterinagaevskay@yandex.ru, O. V. Vagina bmpmag@mail.ru Sanitary rules and regulations: is it possible to extend their validity to relations, having arisen before these rules entered into force?

Abstract: In this article the authors analyze the legal nature of sanitary rules and norms. They consider different views of scholars to the issue concerning the possibility of giving retroactive force to normative legal acts. The authors make a conclusion concerning the possibility of extending the validity of health and safety rules and standards to relations that arose before their entry into force.

Keywords: normative acts, sanitary rules and norms, retroactive effect of the law.

REMINISCENCES ABOUT THE TEACHER

Reminiscences about the teacher, colleague, and friend...

CONGRATULATIONS

Congratulations on the anniversary of G.G. Pilikin

Бизнес, Менеджмент и Право

Научно-практический
экономико-правовой журнал

№ 1 (49), май, 2021 г.

Учредители:

Главный редактор:

Заместитель главного редактора:

Ответственный за выпуск:

Редакционная коллегия:

Фонд «Гармония и благодетель»

Бельх В. С. – Заслуженный деятель науки РФ, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой предпринимательского права ФГБОУ ВО «УрГЮУ»;

Герасимов О. А. – кандидат юридических наук, доцент кафедры предпринимательского права ФГБОУ ВО «УрГЮУ»;

Вагина О. В. – кандидат юридических наук, доцент кафедры земельного и экологического права ФГБОУ ВО «УрГЮУ»;

Винницкий Д. В. – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой финансового права ФГБОУ ВО «УрГЮУ», директор Института права БРИКС;

Головина С. Ю. – заслуженный юрист РФ, доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой трудового права ФГБОУ ВО «УрГЮУ»;

Дойников И. В. – заслуженный деятель науки РФ, доктор юридических наук, профессор кафедры предпринимательского и корпоративного права ФГБОУ ВО «Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА)»;

Илюшина И. И. – заслуженный юрист РФ, доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой гражданского и предпринимательского права ФГБОУ ВО «Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)»;

Исаков В. В. – заслуженный юрист РФ, член Союза писателей России, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой теории и истории права Факультета права Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ);

Карелина С. А. – доктор юридических наук, профессор кафедры предпринимательского права Юридического факультета ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова»;

Камышанский В. П. – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой гражданского права ФГБОУ ВО «Кубанский государственный аграрный университет имени И. Т. Трубилина», заведующий кафедрой гражданского права и процесса ЧОУ ВПО «Института международного права, экономики, гуманитарных наук и управления имени К. В. Россинского», директор АНО «Научно-исследовательский институт актуальных проблем современного права»;

Кванина В. В. – доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой предпринимательского, конкурентного и экологического права Юридического института ФГАОУ ВО «Южно-Уральский государственный университет (национальный исследовательский университет)»;

Козаченко И. Я. – Заслуженный деятель науки РФ, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовного права ФГБОУ ВО «УрГЮУ»;

Круглов В. В. – заслуженный юрист РФ, действительный член (академик) Российской академии наук, доктор юридических наук, профессор, ФГБОУ ВО «УрГЮУ»;

Кузнецова О. А. – доктор юридических наук, профессор кафедры гражданского права и кафедры предпринимательского права, гражданского и арбитражного процесса, заместитель декана по научной работе Юридического факультета ФГБОУ ВО «Пермского государственного национального исследовательского университета»;

Митин А. Н. – доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой теории и практики управления ФГБОУ ВО «УрГЮУ»;

Прошляков А. Д. – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовного процесса ФГБОУ ВО «УрГЮУ»;

Салиева Р. И. – доктор юридических наук, профессор кафедры предпринимательского и энергетического права Юридического факультета ФГАОУ ВО «Казанского (Приволжского) федерального университета», заведующая лабораторией правовых проблем недропользования, экологии и топливно-энергетического комплекса ГНБУ «Академия наук Республики Татарстан»;

Стариков Ю. И. – заслуженный деятель науки РФ, доктор юридических наук, профессор, декан юридического факультета, заведующий кафедрой административного и финансового права Юридического факультета ФГБОУ ВО «Воронежского государственного университета»;

Тужилова-Орданская Е. М. – доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой гражданского права Института права ФГБОУ ВО «Башкирского государственного университета»;

Шевченко Г. Н. – доктор юридических наук, профессор кафедры гражданско-правовых дисциплин Юридического факультета Владивостокского филиала ГАОУ ВО «Российской таможенной академии», профессор кафедры гражданского права и процесса Юридической школы ФГАОУ ВО «Дальневосточного федерального университета».

Силин Я. П. – доктор экономических наук, профессор, ректор ФГБОУ ВО «УрГЭУ»

Беседин А. А. – президент Уральской Торгово-промышленной палаты, председатель правления;

Гаджиев Г. А. – доктор юридических наук, профессор, судья Конституционного Суда РФ;

Загайнова С. К. – доктор юридических наук, профессор кафедры гражданского процесса ФГБОУ ВПО «УрГЮУ», директор Центра медиации УРГЮУ;

Решетникова И. В. – доктор юридических наук, профессор, председатель Арбитражного суда Уральского округа;

Чубаров В. В. – доктор юридических наук, профессор, вице-президент Торгово-промышленной палаты РФ;

Фурдуй С. В. – руководитель межрегионального управления службы Банка России по финансовым рынкам в УрФО;

Хазанов С. Д. – заведующий кафедрой административного права ФГБОУ ВО «УрГЮУ», член Научно-консультативного совета ВС РФ, кандидат юридических наук, профессор;

Цветкова С. А. – председатель Арбитражного суда Свердловской области;

Ярков В. В. – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой гражданского процесса ФГБОУ ВПО «УрГЮУ», президент Нотариальной палаты Свердловской области.

Бельх Д. В. – заместитель руководителя Евразийского научно-исследовательского центра сравнительного и международного предпринимательского права ФГБОУ ВО «УрГЮУ»

Редакционный совет

Председатель совета

Коммерческий директор

Адрес издателя и редакции: 620 034, г. Екатеринбург, ул. Колмогорова, 54, оф. 303,

тел./факс: (343) 245-93-98, www.bmpravo.ru

E-mail: bmprmag@mail.ru

Предпечатная подготовка: 000 «Пре-пресс бюро "Henry Pushel"», тел.: 268-33-73, +7 (912) 688 20 26

E-mail: henry@pushel.ru, www.pushel.ru

Печать: Отпечатано с готового оригинал-макета в ИПК «Лазурь».

Свердловская обл., г. Реж, ул. П. Морозова, 61.

Подписано в печать 4.06.21. Заказ № 963.

Тираж 250 экземпляров. Цена свободная.

Периодичность 4 раза в год.

Дата выхода в свет: 10.06.2021.

Каталог Агентства «Роспечать» – «Газеты, Журналы»: 18626.

ISSN 2072-1722

Подписка:

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия. Номер Свидетельства ПИ № ФС77-27031 от 25 января 2007 г.

Все товары, рекламируемые в журнале, подлежат обязательной сертификации, услуги – лицензированию. За содержание рекламируемых материалов редакция ответственности не несет. Авторские материалы не являются рекламными.

Любая перепечатка, использование иллюстраций или копирование авторских и рекламных материалов возможны только в случае предварительного письменного соглашения с редакцией журнала «Бизнес, Менеджмент и Право». В случае нарушения указанного положения виновное лицо несет ответственность в соответствии с действующим законодательством РФ.

Цифровая экономика

стр. 9

БЕЛЫХ В. С.

*Цифровая экономика
и развитие
предпринимательского
законодательства России*

Медицинское право

стр. 22

ПОНКИН И. В.

*Медицинское право
в условиях цифровизации*

Медицинское право

стр. 26

МОХОВ А. А.

*К вопросу о биоресурсных
центрах и биоколлекциях*

Поздравления

стр. 63

*Поздравляем
Георгия Геннадьевича
Пиликина с юбилеем!*

Лекция профессора В. С. Белых «Экономическое право (русская версия)»

12 мая профессор Белых Владимир Сергеевич выступил с лекцией на тему «Экономическое право (русская версия)» перед студентами Индии на английском языке. Организатор — образовательная платформа Индии Knowledge Steez Edu

Доцент кафедры ГПД Института права ВГУЭС Александр Алексеенко принял участие в III ежегодной конференции исследователей интеллектуальной собственности и инноваций в Азии (IPIRA). Александр Алексеенко выступал на секции «Интеллектуальная собственность и управление технологиями» с докладом, посвященным

правовому регулированию использования цифровых финансовых активов, который был им подготовлен в рамках реализации гранта РФФИ № 20-011-00454 «Обеспечение прав инвесторов в банковском и финансовом секторах в условиях цифровизации экономики в РФ и ведущих финансовых центрах Восточной Азии: сравнительно-правовой аспект» (проект реализуется коллективом преподавателей из ВГУЭС и УрГЮУ: Белых В.С., Алексеенко А.П., Болобоновой М.О., Горян Э.В.).

Конференция проводилась с 24 по 27 марта 2021 г. и была организована Академией ВОИС, Всемирной торговой организацией, Международным исламским университетом Малайзии, Индонезийским университетом, Технологическим университетом Наньян, Юридической школой Техасского университета A&M и Женевским университетом. На открытии конференции выступил генеральный директор ВОИС Дарен Тан.

В конференции IPIRA приняли участие более 160 исследователей и практикующих юристов из более

чем 60 стран. Конференция охватила все области права интеллектуальной собственности и правового регулирования инноваций.

IPIRA — это сеть ученых, исследователей и тех, кто работает в национальных, региональных и международных организациях, связанных с интеллектуальной собственностью и инновациями. IPIRA предоставляет участникам возможность обмениваться информацией о текущих разработках в этой области. Академия ВОИС поддерживает организацию IPIRA на ежегодной основе для укрепления связей между академическими исследованиями в области интеллектуальной собственности и инновациями с разработкой политики на основе фактических данных и потребностей промышленности, включая предпринимателей, и малых и средних предприятий. IPIRA предлагает платформу для исследователей из развивающихся стран, наименее развитых стран и стран с переходной экономикой, где они могут рассказать о своей незавершенной работе и получить подробный анализ отзывов о своих исследованиях.

Международный форум «Российское право»

20 апреля 2021 года на площадке Института права и предпринимательства и кафедры предпринимательского права Уральского государственного юридического университета прошёл крупнейший Международный форум «Медицинское право»

Современные требования к обеспечению качества и безопасности медицинской деятельности ставят новые задачи перед руководителями медицинских организаций, практикующими медицинскими работниками, юристами-консультантами медицинских организаций и не только. Прошедший Международный форум «Медицинское право» – это площадка для обмена опытом и объединения усилий с целью принятия практических решений, направленных на снижение правовых рисков при оказании медицинской помощи. Программа мероприятия состояла из пленарного

заседания и работы десяти секций разного направления. В международном медицинском форуме приняли участие представители многих университетов: Евразийского национального университета им. Л. Н. Гумилёва; Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации; Санкт-Петербургского государственного университета; Уральского государственного медицинского университета; Уральского федерального университета им. первого Президента России Б. Н. Ельцина; ФГБОУ ВО «Казанский ГМУ»

Министерство здравоохранения РФ; ФГБОУ ВО «Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА)»; ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова».

Несмотря на критические оценки медицинское право развивается во всех сферах: как правовое образование, как наука, как учебная дисциплина. Одно из направлений – развитие цифровых технологий в сфере здравоохранения. **Е**

*Научный координатор
профессор В. С. Белых*

Цифровая экономика и развитие предпринимательского законодательства России

Белых В.С., заведующий кафедрой предпринимательского права УрГЮУ,
д. ю. н., профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации

Аннотация:

В статье рассматриваются такие понятия как «цифровая экономика», «цифровой бизнес», «цифровое право». Отмечается, что цифровая экономика и реальный сектор экономики тесно взаимодействуют между собой. Автор считает, что цифровая экономика есть сектор национальной экономики. Далее, говорится о соотношении реального и финансового секторов экономики. В заключение автором сформулированы предложения по развитию российского законодательства в целом и предпринимательского в частности.

Ключевые слова:

цифровая экономика, цифровой бизнес, цифровые права, реальный сектор, финансовый сектор, предпринимательское законодательство, основные пути и концепция его развития в условиях цифровизации.

Владимир БЕЛЫХ

Современный бренд – это цифровая экономика. В настоящее время термины «цифровая экономика», «цифровые права», «цифровое право» являются предметом оживленной дискуссии. Так, цифровая экономика – хозяйственная деятельность, в которой ключевым фактором производства являются данные в цифровом виде, обработка больших объемов и использование результатов анализа которых по сравнению с традиционными формами хозяйствования позволяют

существенно повысить эффективность различных видов производства, технологий, оборудования, хранения, продажи, доставки товаров и услуг¹.

Член корреспондент РАН В.В. Иванов дает наиболее широкое определение: «Цифровая экономика – это виртуальная среда, дополняющая нашу реальность²». Далее, цифровая экономика – деятельность по созданию, распространению и использованию цифровых технологий и связанных с ними продуктов и услуг³. Перечень точек зрения можно продолжить. Вопрос: зачем? Показать, что цифровая экономика – многоаспектное понятие. Большинство понятий страдают многоаспектностью. А что дальше? В любом случае надо вовлечь понятие «цифровая экономика» в орбиту закона и придать ему статус легального термина со всеми вытекающими последствиями. Пока что наблюдается картина маслом! Одни научные споры! Ясно, однако, что цифровая экономика – объективное явление, развитие которого – требование времени.

Итак, экономика России под-разделяется на отрасли. И, скажем,

не только. В национальной экономике можно выделить реальный и финансовый секторы. *Сектор экономики* – это крупная часть экономики, обладающая сходными общими характеристиками, экономическими целями, функциями и поведением, что позволяет отделить её от других частей экономики в теоретических или практических целях. Существуют различные типы секторов экономики. Например, в зависимости от форм собственности выделяют государственный и частный секторы. С учетом конкретных видов экономической деятельности различают реальный сектор, сектор услуг, финансовый сектор. По виду производимой продукции различают первичный, вторичный, третичный секторы и др. Преобладание того или иного сектора экономики определяет экономический уклад: доиндустриальный, индустриальный и постиндустриальный.

Понятие реального сектора экономики встречается в п. 4 ст. 96.11 Бюджетного кодекса Российской Федерации, в федеральных законах о федеральном бюджете, например, в Федеральном законе от 29.11.2018 г. № 459-ФЗ «О федеральном бюджете

на 2019 год и на плановый период 2020 и 2021 годов»⁴. Однако сущность понятия реального сектора (равным образом и финансово-го) экономики в законодательстве не раскрыта. Весьма часто эти понятия используются в политической лексике и публицистике без конкретизации смысла.

Многие авторы (преимущественно – экономисты) под *реальным сектором экономики* понимают лишь сферу материального производства и не относят к нему услуги, торговлю, науку⁵. По мнению других ученых, реальный сектор экономики – это совокупность отраслей экономики, производящих материальные и нематериальные товары и услуги, за исключением финансово-кредитных и биржевых операций⁶. В учебнике «Экономика» отмечается, что реальный сектор – это «прежде всего промышленность, сельское хозяйство, строительство и транспорт»⁷. Как видно, в этом определении перечисляются основные отрасли экономики, относящиеся к реальному сектору⁸. Но не все!

Не бесспорен термин «финансовый сектор экономики». Чаще всего под *финансовым сектором* подразумевается совокупность финансовых корпораций, включая квазикорпорации, основной функцией которых является предоставление финансовых услуг, включая страхование и пенсионное обеспечение⁹. В отличие от реального сектора, финансовый характеризуется субъектным составом и оказанием финансовым услуг. При этом отсутствует ссылка на те или иные отрасли (подотрасли) экономики (например, банковский сегмент). На наш взгляд, *финансовый сектор* включает отдельные сегменты экономики (банковского, страхового, рынка ценных бумаг и др.) и/или финансовые инструменты, основная функция

которых – предоставление финансовых услуг¹⁰.

В контексте сказанного выстраивается целый понятийный ряд: финансовая система, финансовый сектор, финансовый сегмент, финансовые организации, финансовые услуги, финансовые инструменты. На этом фоне логично говорить

**Многие авторы
(преимущественно –
экономисты)
под реальным сектором
экономики понимают
лишь сферу материального
производства
и не относят к нему
услуги, торговлю, науку**

о финансовом, банковском, инвестиционном, страховом праве, рынке ценных бумаг и др. Соответственно, выстраиваются модели управления экономикой, принимая во внимание сложный, порой противоречивый характер взаимодействия реального и финансового секторов экономики. Распространено мнение, будто государство гораздо чаще оказывает поддержку финансовому сектору, что приводит к упадку реального сектора экономики страны¹¹.

На мой взгляд, соотношение реального и финансового секторов экономики носит сложный процесс взаимодействия. Богатые люди планеты, в том числе россияне,

приобрели свои огромные состояния, используя ресурсы реального сектора экономики. Так, Билл Гейтс, самый богатый человек планеты по версии журнала Forbes (в период с 1966 по 2007 гг., с 2009 по 2016 гг.), сформировал свой первоначальный капитал, будучи одним из создателей (совместно с Полом Алленом) и крупнейшим акционером компании Microsoft. До 2008 г. являлся руководителем компании, после ухода с поста остался в должности ее исполнительного председателя совета директоров. В списке миллиардеров Forbes в 2018 г. смещен на второе место владельцем Amazon Джеффом Безосом. Капитал Билла Гейтса составил 90 млрд долл., тогда как активы Безоса оценили в 112 млрд долл.¹² **Одним словом**, жить стало лучше и веселее!

Другой пример для сравнения: в 2020 г. первое место в списке богатейших россиян по версии Forbes занял Владимир Потанин, президент управляющей компании «Интеррос», владеет пакетами акций ГМК «Норильский никель», компаний «Роза Хутор», «Петровакс Фарм»¹³. Его состояние оценено в 19,7 млрд долл. На втором месте расположился еще один металлург – Владимир Лисин, основными активами которого являются ПАО «Новолипецкий металлургический комбинат» и транспортно-логистический холдинг «Universal Cargo Logistics Holding». Активы Владимира Лисина – 18,1 млрд долл.

Промежуточные выводы: 1) солидные капиталы зарабатываются в реальном секторе экономики (промышленность, строительство, сельское хозяйство и др.); 2) заработанные активы перераспределяются: а) большая часть поступает в финансовый и банковский сектор, где значительно прирастает в объеме; б) другая часть направляется на инвестирование и модернизацию

собственного бизнеса; в) третья часть посвящается благотворительности и иным целям.

Сказанное не означает, однако, что банковский сегмент и финансовый сектор экономики являются вторичными по отношению к реальному сектору. Они обладают (равно как и реальный сектор) *относительной самостоятельностью*. Например, в рамках банковского сегмента осуществляются разного рода банковские операции и банковские сделки. Как известно, во всем мире банковский бизнес – это бизнес больших игроков, где несколько банков или несколько десятков банков, в зависимости от страны, контролируют большую часть рынка.

Далее отмечу: **1)** цифровая экономика – это сектор национальной или международной экономики; **2)** цифровая экономика противопоставляется реальному и финансовому секторам экономики; **3)** существует тесная связь и взаимозависимость между указанными секторами экономики; **4)** цифровая экономика ценна не сама по себе, она важна потому, что позволяет обеспечивать переход к новым экономическим отношениям. В настоящее время экономисты стали использовать для обозначения уровня развития экономики и состояния производства термин «технологический уклад». Этим понятием называют комплекс технологически связанных производств, характерных для определенного уровня развития общественного производства. В России примерно 50% промышленности относится к четвертому технологическому укладу, 4% – к пятому и менее 1% – к шестому. Россия в конце туннеля!

Фундаментальная категория «предпринимательское право» занимает особое место в понятийном аппарате науки предпринимательского (хозяйственного) права¹⁴.

Во-первых, предпринимательское право – это комплексное (межотраслевое) образование, гармонично сочетающее нормы частного и публичного права. **Во-вторых**, предпринимательское право – это учебная дисциплина. **В-третьих**, предпринимательское право – это юридическая наука.

**Фундаментальная
категория
«предпринимательское
право» занимает особое
место в понятийном
аппарате науки
предпринимательского
(хозяйственного) права**

Равным образом в современных условиях можно говорить о цифровом праве. Каждый из названных аспектов обладает самостоятельным режимом. Например, цифровое право как комплексное (межотраслевое) образование. Другой пример: цифровое право как учебная дисциплина и правовая наука¹⁵.

Соответственно, и законодательство должно претерпеть определенные сущностные перемены. Изменение общественных отношений должно привести к изменению их правового регулирования. Шестой технологический уклад должен обеспечиваться нормами практически всех существующих отраслей права,

в том числе предпринимательского, причем в их взаимодействии.

Главное событие последнего времени, связанное с обеспечением развития цифровой экономики, – принятие Федерального закона от 18 марта 2019 г. № 34-ФЗ «О внесении изменений в части первую, вторую и статью 1124 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации», который вступил в силу с 1 октября 2019 г. По заявлению руководства Государственной Думы, нас ожидает принятие еще нескольких законов цифровой сферы в 2019–2020 г.

И, конечно, долгожданный Федеральный закон от 31.07.2020 № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», который вступил в силу с 01 января 2021 г., за исключением пп. 6 п. 3 ст. 17 данного закона.

Основные направления развития предпринимательского законодательства в сфере цифровой экономики и бизнеса: **1)** определение режима цифрового предпринимательства (бизнеса); **2)** определение статуса субъектов цифрового бизнеса; **3)** особенности несостоятельности (банкротства) субъектов цифрового бизнеса; **4)** правовой режим имущества субъектов цифрового бизнеса; **5)** особенности заключения и исполнения смарт-контрактов. И, скажем, не только! Дальнейшее развитие предпринимательского законодательства неразрывно связано с другими смежными нормативными актами, действующими в разных сферах правового регулирования. К ним относятся, в частности: **а)** антимонопольное регулирование предпринимательской деятельности. В частности, не стоит забывать широко разрекламированный ФАС пятый антимонопольный пакет, который полностью посвящен антимонопольному

регулированию в условиях цифровизации. Судьба этого проекта пока неизвестна; **б)** инвестиционное законодательство. Так, в 2018 г. в Государственную Думу был внесен законопроект № 419090–7 «О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ». До сих пор лежит без движения; **в)** правовое регулирование использования Больших данных. Легальное определение понятия «Большие данные» в отечественном правовом

регулировании на сегодняшний день не сформировано. Отклонен законопроект № 571124–7 «О внесении изменений в Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации». Данный перечень можно продолжить.

Понятно, что в принятых актах будет отсутствовать общая концепция развития законодательства в условиях цифровизации экономики и бизнеса. Поэтому, на мой взгляд,

надо разработать и принять национальную Концепцию развития российского законодательства в условиях цифровизации экономики и бизнеса. Более того, считаю необходимым разработать и принять консолидированный закон о цифровой экономике, цифровом бизнесе, цифровых правах. Его основная задача – выработать единый терминологический аппарат и унифицировать действующее законодательство в рассматриваемой сфере.

Государственное регулирование деятельности топливно-энергетического комплекса России в условиях цифровизации

Бородушко И. В., д. з. н., доцент, профессор кафедры прикладной математики и информационных технологий Санкт-Петербургского университета государственной противопожарной службы МЧС России,
Шишкин С. Н., д. ю. н., профессор кафедры гражданского права Северо-Западного филиала ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия»

Аннотация:

В статье представлен анализ основных предпосылок, значимости, содержания и подходов к государственному регулированию развития топливно-энергетического комплекса России в современных условиях. Цель статьи – оценить текущую ситуацию в области государственного регулирования отношений в сфере энергетики. Необходимость повышенного внимания к управлению энергетической сферой продиктована ее доминированием в экспортном потенциале страны, статусом генерального поставщика энергоресурсов на внутреннем рынке, в то же время сохранением существенного отставания от стран-лидеров по уровню цифровизации отрасли, по доле продукции высоких уровней переделов и др. Достижением последних лет является создание единого пакета нормативных документов, определяющих ключевые векторы развития топливно-энергетического комплекса и действия институтов власти по достижению установленных целей. К числу приоритетных направлений государственного регулирования энергетической сферы относятся обеспечение безопасности и переход на сквозные цифровые технологии.

Ключевые слова:

топливно-энергетический комплекс; государственное регулирование; энергетическая безопасность; цифровизация

Ирина БОРОДУШКО

Вступление

Государственное регулирование экономики в целом представляет собой совокупность закрепленных в законодательстве мер

экономического, правового и организационного воздействия на экономику, в том числе путем государственной поддержки и защиты хозяйствующих субъектов, а также государственного контроля за соблюдением требований законодательства такими субъектами¹. Названные меры государственного регулирования экономики в должной мере применимы и в отношении топливно-энергетического комплекса (ТЭК).

Топливо-энергетический комплекс является одним из ведущих секторов национальной экономики России. Уникальность его места в народнохозяйственном комплексе страны заключается в том, что он обеспечивает энергетическими ресурсами страну, субъекты хозяйственной деятельности,

Сергей ШИШКИН

домохозяйства. На продукцию ТЭК приходится около 60% российского экспорта. Топливо-энергетический комплекс играет приоритетную роль в формировании платежного

баланса страны и государственного бюджета.

При такой значимости топливно-энергетического комплекса в экономике страны исключительно актуальным является следование принятой стратегии его развития, выбор оптимальных решений по текущим вопросам, соблюдение критериев сбалансированности долгосрочных целей и оперативных задач управления данной сферой экономики.

Топливо-энергетический комплекс России представляет собой исключительно сложный объект государственного регулирования. Он является вертикально и горизонтально интегрированным многоотраслевым комплексом, включающим многообразные направления деятельности. В числе этих направлений необходимо выделить следующие: геологоразведка и добыча газообразного, жидкого и твердого углеводородного сырья; его первичная и глубокая переработка; электроэнергетика, включающая в себя гидроэлектростанции, тепловые станции, атомные электростанции; разветвленная сеть линий электропередачи; транспортировка и передача продукции внутренним и внешним потребителям. Компоненты данного комплекса чрезвычайно многообразны не только по своей технологической основе, но и по способам управления и координации деятельности. Это, в свою очередь, требует разработки и реализации специфических и взаимно согласованных механизмов государственного регулирования всех элементов ТЭК при сохранении единства системы в целом. Особый характер топливно-энергетического комплекса как объекта государственного регулирования находит свое отражение в содержании его правовых основ и в организационных принципах управления.

Пространство производственной деятельности ТЭК, внутренний и международный рынок топливно-энергетических ресурсов интенсивно трансформируются под влиянием беспрецедентных по своему содержанию и силе воздействия новых факторов – цифровизации, становления нового – шестого – техно-

**Топливо-энергетический
комплекс России
представляет собой
исключительно сложный
объект государственного
регулирования**

логического уклада и, безусловно, пандемии коронавируса COVID-19. Возникающие при этом новые вызовы и новые возможности требуют выбора оптимальных нестандартных решений на всех уровнях и всех сегментах управления ТЭК.

В этих условиях необходимо формирование новой парадигмы развития ТЭК России и его экспортной составляющей с учетом всего комплекса условий, тенденций, целей, противоречий, рисков текущего и долгосрочного характера. Значимыми шагами на этом пути выступают: реализация формируемых на федеральном, региональном, отраслевом уровнях стратегий

и долгосрочных программ развития; использование результатов проводимых членами научного сообщества исследований; воплощение в жизнь формируемых в предпринимательской среде инновационных проектов; заключение и исполнение международных договоров и соглашений по вопросам энергетики. Достижение таких результатов возможно при эффективной скоординированной деятельности всех субъектов указанных процессов. В рамках данной статьи будет рассмотрен такой частный вопрос, как оценка условий, задач и подходов к государственному регулированию деятельности ТЭК России в современных условиях.

Методология

Методологической основой исследования явились отдельные положения экономической теории, общей теории систем и системного анализа, теории управления, теории принятия решений. Данная методология предопределила принятые авторами подходы к постановке и решению задач исследования, к выбору методов выполнения работы. Использовались преимущественно такие методы познания и научного исследования в экономике и праве, как абстрактно-логический, исторический, статистический, сравнительный, системный, эволюционный, методы анализа и синтеза.

Результаты

В основе анализа приоритетов, основных направлений и механизмов государственного регулирования развития топливно-энергетического комплекса должно лежать предварительное рассмотрение вопроса о текущем состоянии ТЭК России в целом и о его месте на мировом рынке энергоресурсов.

В последнем «предковидном» 2019 году общее состояние ТЭК

России характеризовалось как стабильное в области производства, переработки и экспорта топливно-энергетических ресурсов. К этому времени производство и экспорт сжиженного природного газа стремительно нарастали. В России в 2019 г. было произведено 561 млн тонн нефти и газового конденсата, что на 0,9% выше уровня 2018 г. Добыча природного газа составила в 2019 г. 738 млрд м³ (рост к 2018 г. на 1,7%). Каменного угля было произведено в 2019 г. в объеме 441 млн тонн (прирост по сравнению с 2018 г. – 0,2%).

Выработка электроэнергии в Единой энергосистеме России за 2019 г. выросла на 0,9% и составила 1080 млрд кВт•ч. Сжиженного природного газа в 2019 г. было произведено 29,5 млн тонн, что на 56% выше уровня 2018 г. В области переработки углеводородного сырья успехи ТЭК России были весьма умеренными – произошло сокращение производства основных нефтепродуктов на 0,1%. Если производство автомобильного бензина и дизельного топлива несколько увеличилось, то выпуск авиационного керосина и топочного мазута сократился. В 2019 г. Россия экспортировала значительную часть произведенной продукции ТЭК: 47,4% нефти, 43,9% угля, 33,5% природного газа².

Результаты деятельности ТЭК России в 2019 г. в целом соответствовали общемировой тенденции – снижению темпов роста мировой экономики. Это было обусловлено рядом причин. Негативно отреагировала мировая экономика на торговые конфликты между США и Китаем, на процесс брекзита Великобритании, на повышение рядом стран импортных пошлин. Темпы роста совокупного мирового экспорта в 2019 г. стали отставать от темпов роста мирового валового выпуска.

Для России в 2019 г. особенно чувствительным оказалось снижение мировых цен на сырьевые товары. В качестве позитивного момента следует отметить продолжавшееся в 2019 г. снижение энергоемкости ВВП России, что свидетельствует о росте энергоэффективности производства.

Для России в 2019 г. особенно чувствительным оказалось снижение мировых цен на сырьевые товары

Вызванный пандемией глобальный экономический кризис негативно сказался также на итогах деятельности ТЭК России за 2020 г. Добыча нефти сократилась на 8,6%, газа – на 6,2, добыча угля – на 9,2, производство электроэнергии – на 3%. Сократился экспорт продукции ТЭК: электроэнергии на 36,4%, нефти – на 12,7%. За 9 месяцев 2020 г. экспорт угля сократился на 4,7% по сравнению с аналогичным периодом 2019 г.³ Россия в полном объеме выполнила принятые на себя обязательства по предусмотренному соглашением «ОПЕК+» сокращению добычи нефти. Наблюдавшееся в 2020 г. сжатие объемов

производства и экспорта продукции топливно-энергетического комплекса России соответствует общей мировой тенденции и явилось следствием сокращения спроса, кризисных явлений в экономике страны и мира в целом.

Мощь и жизнеспособность отечественного топливно-энергетического комплекса опирается на богатые запасы природного сырья, на традиции и накопленный опыт его добычи и переработки в сочетании с внедрением современных технологий, на высококонкурентные организационные формы деятельности в виде крупных транснациональных компаний (ТНК). Масштабность российских ТНК признана международными рейтингами. В 2018 г. по ежегодному рейтингу «Forbes Global 2000» среди попавших в него 25 российских компаний представлены следующие ТНК топливно-энергетического комплекса: Газпром (43-е место), Роснефть (73-е место), Лукойл (98-е место), Сургутнефтегаз (335-е место), Татнефть (577-е место), Транснефть (667-е место).

В российской нефтяной отрасли лидером является ПАО «Роснефть», на долю которого в 2019 г. приходилось 41,1% добычи и 34,4% переработки нефти. В целом же доля пяти крупнейших компаний (ПАО Роснефть, ПАО «Лукойл», ПАО «Сургутнефтегаз», ПАО «Газпромнефть» и ПАО «Татнефть») составила в общероссийской добыче нефти 82,7% и 73,3% в ее переработке.

Важной составляющей деятельности нефтяных компаний является инвестирование средств в совершенствование производства. Так, ПАО «Роснефть» в 2019 г. инвестировало 854 млрд руб., в том числе 773 млрд руб. на разведку и добычу и 67 млрд руб. на переработку нефти, коммерцию и логистику. ПАО «Роснефть» в ускоренном режиме

вовлекало в разработку льготированные месторождения с трудноизвлекаемыми запасами нефти. Чистая прибыль компании в 2019 г. составила 805 млрд руб. В компании трудятся 350 тыс. сотрудников.

Российский ТЭК является одним из ведущих игроков на мировом рынке энергоносителей. Место России на мировом рынке топливно-энергетических товаров можно продемонстрировать на примере нефтяной отрасли. По итогам первого квартала 2020 г. Россия занимала второе после США место в мире по суточному объему добычи нефти и по доле в мировой добыче, составившей 13,5%.

По объему экспорта нефти в первом квартале 2020 г. Россия занимала второе место в мире после Саудовской Аравии. России принадлежит первое место в мире по запасам природного газа (19,1%) и шестое место по запасам нефти (6,2%). Устойчивое положение России на мировых рынках энергоносителей обеспечивается в значительной мере большими их запасами. О высоком статусе России в области добычи нефти в мире свидетельствуют следующие данные. В мае 2020 г. Россия добывала по 9 354 тыс. баррелей нефти в сутки, уступая по этому показателю только США (11 394 тыс. баррелей). Показатель по России (9 354) составил 39% от соответствующего показателя (24 164) по всем 13 странам ОПЕК вместе взятым⁴.

Страны мира резко различаются по соотношению функций экспортеров, импортеров и производителей сырой нефти. США и Китай являются прежде всего крупнейшими импортерами нефти, но одновременно имеют возможность добывать и экспортировать ее. Россия, занимая лидирующие позиции по добыче и экспорту нефти, является также активным ее потребителем. В первом квартале 2020 г. лидерами

по доле в мировом потреблении нефти являлись: США – 20,0%; Китай – 14,3; Индия – 4,9; Япония – 3,9; Россия – 3,4%.

Общий порядок функционирования ТЭК России, как и всех стран мира, был резко нарушен вызванным пандемией глобальным сжатием экономических процессов и де-

**По объему экспорта
нефти в первом квартале
2020 г. Россия занимала
второе место в мире после
Саудовской Аравии**

ловых связей на всем мировом пространстве. Временно была парализована международная транспортная инфраструктура из-за полного или частичного закрытия государственных границ. Упал спрос всех видов транспорта на соответствующие виды топлива, что непосредственно сказалось на деятельности ТЭК и состоянии мирового рынка энергоносителей. Но в течение 2020 г., несмотря на продолжающееся беспрецедентное давление пандемии на экономику, происходила всеобщая адаптация к изменившимся условиям. Государство, предпринимательские круги, рядовые граждане оказались перед фактом радикальной смены

условий своей деятельности и необходимости перехода на иные формы коммуникации.

В условиях пандемии топливно-энергетический комплекс России должен был противостоять новым вызовам и принимать гибкие эффективные решения. Наибольшие трудности возникали в связи:

- с сокращением спроса и снижением мировых цен на энергоносители;
 - с ростом курса доллара;
 - с необходимостью корректировки инвестиционных программ;
 - с неполной загрузкой производственных мощностей и сокращением численности персонала;
 - с разрывом международных производственных цепочек задержками поставок импортного оборудования;
 - с затруднением въезда иностранных специалистов для проведения пусконаладочных работ и техобслуживания импортного оборудования;
 - с сокращением импорта нефтегазового оборудования⁵;
 - с проблемами обеспечения импортозамещения в связи с санкциями США и ЕС – запретом иностранным компаниям поставлять в Россию технологическое оборудование для глубоководной разведки месторождений, для добычи нефти на шельфовых месторождениях и др.;
 - с отставанием от мировых стандартов в области технологий «интеллектуальной» добычи, то есть извлечения углеводородов из недр без участия оператора.
- Для обеспечения стабильного функционирования ТЭК требуются согласованные решения указанных выше и ряда других острых проблем. Это выполняется силами как самих компаний, так и уполномоченных осуществлять регулирование ТЭК органов государственной

власти. Необходимость оперативно и гибкого реагирования на меняющиеся текущие условия деятельности не может означать отказа от ключевых стратегических целей развития ТЭК России, однако определенная корректировка их по срокам и механизмам реализации неизбежна. Разумеется, необходимость уточнения долгосрочных программ развития ТЭК России была обусловлена также и иными факторами и обстоятельствами.

Распоряжением Правительства РФ от 09.06.2020 г. № 1523-р «Об утверждении Энергетической стратегии Российской Федерации на период до 2035 года» была принята новая стратегия развития ТЭК России взамен утратившей силу стратегии от 13.11.2009 г., действие которой было рассчитано лишь до 2030 г.⁶

Энергетическая стратегия РФ на период до 2035 г. содержит пять разделов, в которых определены: цели, приоритеты и направления развития энергетики страны; оценки состояния и тенденции развития энергетики России и мира в целом в разрезе по каждой отрасли энергетики; задачи и ключевые меры по обеспечению развития энергетики России; механизмы, этапы и результаты реализации стратегии. Особо подчеркивается в стратегии актуальность решения таких задач, как обеспечение технологической независимости и конкурентоспособности ТЭК, совершенствование государственного и корпоративного управления в отраслях ТЭК, развитие международных отношений в сфере энергетики⁷.

Реализация Энергетической стратегии будет осуществляться в два этапа. Задачами первого этапа являются: 1) совершенствование модели ценообразования на тепловую энергию и электроэнергию, обеспечивающее баланс интересов потребителей и производителей энергии; 2) реорганизация генерирующих мощностей

путем вывода из эксплуатации устаревшего оборудования, модернизация действующего оборудования, внедрение перспективных инновационных технологий; 3) оптимизация структуры генерирующих мощностей по типам электростанций.

Второй этап преобразований российской энергетической системы бу-

**Важнейшим
условием реализации
стратегических целей
развития топливно-
энергетического
комплекса является
обеспечение национальной
безопасности,
существенной частью
которой является
энергетическая
безопасность**

дет включать: 1) переход на энергетику нового поколения, сочетающую в себе высокотехнологичные традиционные энергоресурсы и новую водородную энергетику; 2) смещение приоритетов путем перехода от доминирующей ныне системы «добыча – магистральная транспортировка топлива» к модели глубокой переработки сырья на основе наукоемких технологий, что позволит полностью обеспечить на новом качественном уровне (устойчивость, надежность, эффективность) внутренний спрос и поставлять на мировые рынки продукцию высоких уровней переделов; 3) создание дополнительного спроса на продукцию и услуги

сопредельных секторов экономики (строительство, транспорт, промышленная инфраструктура, социальная инфраструктура) при обеспечении согласованности проектов и программ.

Реалистичность принятой Энергетической стратегии на период до 2035 г. обеспечивается тем, что она базируется:

- на прогнозе топливно-энергетического баланса РФ до 2035 г.;
- на подготовленном перечне необходимого для ТЭК технологического оборудования, производимого на территории РФ в 2021–2035 гг.;
- на детализированных стратегиях, генеральных схемах развития и других документах стратегического планирования в сфере энергетики.

Инновационная направленность государственного регулирования ТЭК РФ подтверждается, в частности, утверждением Правительством РФ 22.10.2020 г. плана мероприятий по развитию водородной энергетики в России на период до 2024 г. Этим документом предусматриваются разработка концепции развития водородной энергетики, создание органов управления и координации деятельности в данной области энергетики страны⁸.

Важнейшим условием реализации стратегических целей развития топливно-энергетического комплекса является обеспечение национальной безопасности, существенной частью которой является энергетическая безопасность. Основные предпосылки, принципы, направления и механизмы обеспечения энергетической безопасности России закреплены в утвержденной указом Президента РФ от 13.05.2019 г. № 216 Доктрине энергетической безопасности Российской Федерации⁹. Доктрина энергетической безопасности от 2012 г. утратила силу.

Необходимым условием практической реализации основных

положений новой Доктрины энергетической безопасности является ее соответствие теоретическим основам института экономической безопасности в целом. Наиболее значимыми являются следующие положения¹⁰:

– объектами защиты от рисков и угроз должны являться не только структурные компоненты конкретной экономической системы, но и базовые механизмы их функционирования;

– состояние защищенности достигается при условии согласованного управления безопасностью на уровне конкретной экономической системы и иных связанных с ней систем;

– система управления рисками должна распространяться одновременно на внутренние и внешние угрожающие факторы;

– система управления рисками должна быть целостной и завершенной, включающей все необходимые компоненты (ресурсную базу, мониторинг и диагностику, текущее и стратегическое планирование мер защиты от угроз, реализацию и контроль мер защиты);

– субъектами обеспечения безопасности конкретной экономической системы являются как центры управления этой системой, так и общественные институты по обеспечению национальной безопасности в целом при координации и специализации их функций.

Доктрина энергетической безопасности РФ от 13.05.2019 г. структурирует источники возможных нарушений энергетической безопасности России, разграничивая вызовы, угрозы, риски, которые, в свою очередь, подразделяются на внешние, внутренние и трансграничные, на экономические и политические. Такая классификация является необходимой предпосылкой для

организации деятельности и установления полномочий в области государственного регулирования отношений по обеспечению энергетической безопасности.

Цели и принципы, направления и задачи по обеспечению энергетической безопасности определе-

**Существует
тесная связь
и взаимообусловленность
двух нормативных
документов – Доктрины
энергетической
безопасности РФ
и Энергетической
стратегии РФ**

ны в Доктрине всесторонне и комплексно, то есть с учетом: требований к ресурсной базе; интересов всех категорий потребителей продукции и услуг ТЭК; оптимизации функционирования самого ТЭК и его внешнеэкономической деятельности; соблюдения требований экологической безопасности; соблюдения требований соответствующей нормативно-правовой базы и налоговой политики.

Доктриной определены организационные основы обеспечения энергетической безопасности, среди которых: функционирование системы управления рисками в области энергетической безопасности,

полномочия институтов государственной власти в области обеспечения энергетической безопасности, система контроля за реализацией мер по обеспечению энергетической безопасности.

Организационно-технологические вопросы обеспечения энергетической безопасности урегулированы в России Федеральным законом от 21.07.2011 № 256-ФЗ «О безопасности объектов топливно-энергетического комплекса» (с изменениями и дополнениями)¹¹. Определенный вклад в разработку вопросов управления энергетической безопасностью вносят результаты проводимых научных исследований. Предлагаются методы идентификации и количественной оценки угроз энергетической безопасности¹². Разрабатываются математические модели взаимосвязей в системе ТЭК, позволяющие развивать методическую базу мониторинга и оценки энергобезопасности¹³.

Существует тесная связь и взаимообусловленность двух нормативных документов – Доктрины энергетической безопасности РФ и Энергетической стратегии РФ. Предусмотренные одним из этих документов направления и механизмы государственного регулирования энергетической сферы России выступают в качестве необходимой предпосылки для достижения целей и решения задач, установленных другим документом. Например, среди способов реализации стратегических целей развития ТЭК России приоритетная роль принадлежит цифровизации. Но одним из условий успешного внедрения цифровых технологий является обеспечение безопасности деятельности ТЭК, и прежде всего – кибербезопасности.

Цифровизация ТЭК столь важна, что выступает в качестве

самостоятельного предмета государственного регулирования. В рамках государственной программы «Цифровая экономика Российской Федерации» Минэнерго России разработало ведомственный проект «Цифровая энергетика» и утвердило 05.03.2019 г. паспорт программы «Цифровая трансформация электроэнергетики России». Четко определены и долгосрочные, и краткосрочные приоритеты программы.

Цифровая трансформация ТЭК станет основой повышения эффективности и безопасности деятельности предприятий отрасли и снизит уровень аварийности, будет способствовать повышению надежности и качества энергоснабжения потребителей, позволит создать единую информационную среду ТЭК¹⁴.

Проблемы и перспективы цифровизации ТЭК активно обсуждаются научным сообществом России. В рамках проведенного в Санкт-Петербурге 25–28 июня 2019 г. VII Российского международного энергетического форума состоялся круглый стол на тему «Цифровая энергетика», по материалам которого был опубликован сборник статей. Участниками круглого стола был отмечен ряд наиболее актуальных принципов цифровизации ТЭК¹⁵.

Цифровая трансформация экономики и ТЭК, в том числе, требует значительных капиталовложений. Ограниченность финансовых ресурсов, усугубившаяся в условиях пандемии коронавируса, требует поиска новых решений в деле определения источников инвестиций для перехода на ИТ-технологии топливно-энергетического комплекса России. Для России в условиях нарастающего «цифрового неравенства» стран мира исключительно актуальна задача – не допустить существенно отставания в уровне цифровизации экономики от стран – лидеров в данной области¹⁶. Этот вопрос

стоит особенно остро применительно к ТЭК, поскольку он является, во-первых, ведущим сегментом национальной экономики и, во-вторых, – занимает лидирующие позиции среди всех видов экономической деятельности по масштабам своего участия на мировом рынке энергоносителей.

Перспективным и все активнее используемым ТЭК России источником инвестирования программ цифровизации энергетической сферы является участие в мировых инвестиционных рынках на равноправных и взаимовыгодных условиях. Наиболее доступными и результативными направлениями данной политики являются экономическое пространство ЕАЭС и Азиатско-Тихоокеанский регион. Активность стран – участниц ЕАЭС в развитии энергетической сферы подтверждается, например, следующими фактами: в 2020 г. Республика Казахстан расширяет цифровизацию в энергетике, Армения утвердила стратегическую программу развития энергетике до 2040 г., в Беларуси утверждена программа роста энергопотребления на 2021–2024 гг., в ЕЭК принято решение о транзите электроэнергии в ЕАЭС¹⁷.

Общая оценка ситуации в области цифровизации ТЭК РФ на современном этапе неоднозначна: отмечаются явные успехи, амбициозные планы, острые проблемы¹⁸. Существуют проблемы цифровизации ТЭК, обусловленные как внутренними, так и внешними факторами. Среди них прежде всего следует отметить: низкую заинтересованность российских компаний во внедрении цифровых технологий; сохранение значительной доли морально и физически устаревших производственных мощностей; отсутствие необходимой нормативной правовой базы, регулирующей отношения в области цифровизации;

низкую конкурентоспособность российских цифровых технологий; высокую зависимость от иностранного программного обеспечения и серверных продуктов. Так, в нефтегазовой отрасли зависимость от иностранных программных продуктов составляет 80–90%.

Цифровизация распространяется на все отрасли ТЭК, но особенно она актуальна применительно к атомным электростанциям. Сквозные цифровые технологии должны в перспективе охватывать все этапы жизненного цикла АЭС: проектирование, строительство, ввод в эксплуатацию и сам период эксплуатации, модернизацию, вывод из эксплуатации. Цифровые технологии внедряются в области интеллектуального анализа и межведомственной координации, прогнозирования, оперативного управления макро- и микроэнергосистемами, обеспечения кибербезопасности и др. Опережающее создание новых технологий и внедрение «сквозных цифровых технологий» в области ядерной энергетике являются условием обеспечения России лидирующих позиций в экспорте энергоблоков для АЭС, новейших видов топлива для АЭС, в экспорте услуг и обучении кадров для АЭС. По определению В.В. Бушуева – генерального директора Института энергетической стратегии: «Отличительной особенностью цифровизации в энергетике является сращивание физических и экономических отношений между субъектами энергетического рынка»¹⁹. Формирование подобных киберфизических систем приведет к радикальной трансформации товарно-денежной системы. Особенно значимым будет данный процесс для международного товарооборота. Экспорт энергоносителей в числе первых, в силу специфики его логистики, будет подвержен такой трансформации.

Заключение

Основные направления, принципы и механизмы государственного регулирования топливно-энергетического комплекса определяются стратегическими целями его развития, текущим состоянием энергетической сферы страны, спецификой ее организационно-технологической структуры, ее значимостью для национальной экономики, ее местом в системе мирохозяйственных связей и отношений.

В канун разразившейся в 2020 г. пандемии коронавируса COVID-19 состояние топливно-энергетического комплекса России можно было охарактеризовать как стабильное с тенденцией ограниченного роста, что соответствовало общей конъюнктуре мировой экономики. Следует отметить сбалансированность структуры и трендов развития всех подсистем и подотраслей топливно-энергетического комплекса России, что явилось основой его устойчивости и внутренней целостности. Для ТЭК России

характерно наличие в его структуре мощных транснациональных компаний, занимающих лидирующие позиции на мировом рынке энергоносителей.

Исключительная значимость ТЭК для национальной экономики требует ответственных, строго выверенных, согласованных подходов к государственному регулированию его развития в текущем режиме и в долгосрочной перспективе.

По итогам «ковидного» 2020 г. ТЭК России продемонстрировал, как свидетельствуют статистические данные, свою жизнеспособность в сложной кризисной ситуации, и процесс государственного регулирования протекал в неизменном «штатном режиме». Вместе с тем существуют укоренившиеся острые проблемы, риски и угрозы, затрудняющие достижение долгосрочных целей развития ТЭК.

В 2019–2020 гг. были приняты три базовых нормативных документа – Энергетическая стратегия, паспорт программы «Цифровая

трансформация энергетики России», Доктрина энергетической безопасности – определяющих в своей совокупности ключевые векторы деятельности в области государственного регулирования ТЭК страны. Для обеспечения эффективности управления ТЭК важны согласованность текущих задач и стратегических целей в сочетании со своевременностью выявления и разрешения проблемных, рискованных ситуаций. Органы государственной власти, предпринимательский сектор, научное сообщество призваны вести активную деятельность (по направлениям своей компетенции) по дальнейшей проработке и детализации нормативной базы, по углублению научной теоретической и методической основы, по практической деятельности в области регулирования отношений в сфере энергетики и по достижению намеченных производственных целей предприятиями топливно-энергетического комплекса страны. **■**

Литература:

1. Шишкин С.Н. Предпринимательско-правовые (хозяйственно-правовые) основы государственного регулирования экономики: монография / С.Н. Шишкин; Российская акад. наук, Ин-т государства и права. – М.: Инфотпропик Медиа, 2011. – 328 с. – С. 6.
2. ТЭК России – 2019. Статистический сборник. Аналитический центр при Правительстве Российской Федерации. Выпуск июнь 2020. // URL: https://ac.gov.ru/uploads/2-Publications/ТЕК_annual/ТЕК.2019.pdf.
3. Добыча нефти в РФ в 2020 г. снизилась на 9,3%. Интерфакс. 25.01.2021. // URL: <https://www.interfax.ru/business/746791>
4. О рынке нефти в январе – мае 2020 года. Срочная информация и справки по актуальным вопросам. Федеральная служба государственной статистики РФ. Rosstat.gor.ru. // URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/50798?print=1> (дата обращения: 29.08.2020 г. Интервью замминистра промышленности и торговли: закупка российской техники должна стать правилом хорошего тона для компаний ТЭК. // Interfax.ru. 04.08.2020 (дата обращения: 06.09.2020).
5. Энергетическая стратегия РФ на период до 2035 года. // Консультант плюс. URL: <http://www.consultant.ru/law/hotdocs/62972.html/>
6. Распоряжение Правительства РФ от 09.06.2020 № 1523-р «Об утверждении Энергетической стратегии Российской Федерации на период до 2035 года. // URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_354840/
7. Центральное диспетчерское управление топливно-энергетического комплекса РФ (ЦДУ ТЭК РФ). // URL: https://www.cdu.ru/tek_russia/articles/

8. Указ Президента РФ от 13 мая 2019 г. № 216 «Об утверждении Доктрины энергетической безопасности Российской Федерации». Гарант.ру. // URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/72140884/>
9. Бородушко И. В. Гамидуллаев С. Н. Теоретические аспекты исследования безопасности внешнеэкономической деятельности. // Вестник Российской таможенной академии. 2017. № 3. – С. 26–35.
10. Федеральный закон от 21.07.2011 № 256-ФЗ «О безопасности объектов топливно-энергетического комплекса» (с изменениями и дополнениями) // URL: <https://base.garant.ru/12188188/>
11. Кондраков О. В. повышение энергетической безопасности на основе экономически устойчивого развития топливно-энергетического комплекса. / Дисс... докт. экон. наук. – Тамбов. – 2019.
12. Семикашев В. В., Саенко В. В., Колпаков А. Ю. Совершенствование системы анализа энергетической безопасности России в контексте утверждения новой Доктрины энергетической безопасности 2019 г. // Научные труды ИИП РАН. – Том 2020. – С. 135–156.
13. Ведомственный проект Минэнерго «Цифровая энергетика». // URL: <https://www.digital-energy.ru/trends/analytics/projects/digital-energy/>
14. Цифровая энергетика. Новая парадигма функционирования и развития. Под ред. проф. Н. Д. Роголева. М.: Издательство МЭИ, 2019. // URL: http://nts-ees.ru/sites/default/files/cifrovaya_energetika_blok.pdf
15. Янковская Е. С. Управление международным инвестиционным сотрудничеством в России на этапе перехода к цифровой экономике. // Ученые записки Российской Академии предпринимательства. 2020. – Т. 19. – № 4. – С. 73–81.
16. Изменения и тенденции в регулировании ТЭК России и мира. III квартал 2020. Аналитический центр при правительстве Российской Федерации. // URL: <http://energo-cis.ru/news/>
17. ТЭК России: оцифровка. // URL: <https://magazine.neftegaz.ru/articles/tsifrovizatsiya/547922-tek-rossii-otsifrovka/%20матр%202020/>
18. Бушуев В. В. Цифровизация цивилизации как «Большой энергоинформационной системы» // Цифровая энергетика. Новая парадигма функционирования и развития. Под ред. Н. Д. Роголева. – М.: Изд. МЭИ. – 2019. – С. 55–67.

Медицинское право в условиях цифровизации

Доклад на секции «Медицинское право в условиях цифровой экономики и технологий»
Международного медицинского форума (20.04.2021, г. Екатеринбург)

Понкин И. В., профессор кафедры государственного и муниципального управления
Института государственной службы и управления Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации, профессор,
член Экспертного совета при Уполномоченном по правам человека в Российской Федерации, г. ю. н.

Аннотация:

Статья посвящена правовому объяснению особенностей трансформации медицинского права и в целом регулирования в сфере здравоохранения в условиях и под воздействием цифровизации. Автор предиктивно показывает направления и модальности такой трансформации.

Ключевые слова:

цифровизация, медицинское право, фармацевтическое право, биоэтика как системы нормативной регламентации (lex biomedica), нормативное пространство, инновации.

Игорь ПОНКИН

Цифровая трансформация (цифровизация, диджитализация) в области здравоохранения – это сложный процесс, который имеет большое значение и уже оказал существенное влияние на развитие здравоохранения в настоящее время¹.

Согласно нашей концепции, **цифровое (электронное) здравоохранение** – это концепт (парадигма

и логика маршрутизации и системной алгоритмизации распределения и стыковки отношений и ранжированных каналов коммуникации) и практический системный подход, реализованный на основе применения информационно-телекоммуникационных технологий в организации, реализации и контроле публичного (государственного и муниципального) и государственно-общественного управления сферой здравоохранения, внутреннего корпоративного управления в медицинских организациях, а также в организации, реализации и контроле взаимодействия между системой здравоохранения, ее подсистемами и элементами, с одной стороны, и потребителями производимого системой здравоохранения продукта, с другой².

Границы и области применения цифрового здравоохранения стремительно меняются³, что порой влечет за собой возникновение правовых проблем и пробелов, в частности, на стыке медицинского права и некоторых других отраслей.

Это обуславливает значимость рассмотрения векторов и особенностей трансформации медицинского права, в целом регулирования в сфере здравоохранения в условиях цифровизации.

Цифровизация в праве – это далеко не только и не столько использование компьютерной техники и соответствующего программного обеспечения (что имеет место уже очень давно), даже самых продвинутых, это много более сложный и глубинный процесс, меняющий саму онтологию юридической деятельности и юридической профессии. Наблюдаемая уже сегодня исчерпаемость традиционно применяемых инструментов аудита качества правового регулирования и его совершенствования заставляет говорить о необходимости поиска новых регуляторных инструментариев и обращаться к новейшим (основанным на цифровых технологиях) средствам систематизации и омологии законодательства, вспомогательным средствам формализации и моделирования. Еще больше

неопределенности в отношении па-литр регуляторных инструментариев для новейших технологических сфер. Сфера медицины и, шире, здравоохранения в целом является одним из примеров сфер повышенной востребованности новых регуляторных подходов и инструментариев (Регтех) и столь же повышенной энтропийности научного понимания происходящего и предиктивно-экспектативного в будущем в части того, как надлежит выстроить в этой сфере нормативное пространство.

Медицинские технологии, технологии в сфере генетики и в целом биологии, фармацевтики (и на этом фоне – технологии искусственного интеллекта, цифрового моделирования, цифровой аналитики, Big Data) сегодня развиваются очень интенсивно, экспоненциально, что называется – семимильными шагами.

Как отмечает В.П. Куприяновский, «со своими 150 эксабайтами (10^{18} байт) хранимых данных по всему миру в год, безусловно, здравоохранение является ярким примером широко обсуждаемого «взрыва данных», и ожидается, что его рост наберет еще большую скорость благодаря снижению затрат на проведение высокопроизводительных медицинских тестов, таких как секвенирование генома, диагностическая визуализация высокого разрешения, новые маркеры биомолекулярных заболеваний, не говоря уже об огромном количестве данных, поступающих с мобильных и носимых устройств, всё это играет фундаментальную роль в стимулировании инноваций и улучшении клинических результатов»⁴.

Но чтобы регулировать эти технологии, как справедливо указывали Брайан Кейси и Марк Лемли, нам для начала необходимо разобраться и понять, что они собой представляют⁵, а времени на это зачастую

не остается. И право продолжает (безнадежно пока что отставая) догонять происходящее в должной предметно-объектной области его регулирования.

При этом продвижению сильно мешает сильнейшая «замусоренность» некомпетентными и некритическими суждениями, рекламными роликами, в которых желаемое выдается за действительное. Но во всем этом есть и релевантная составляющая, отражающая действительно имеющие место подрывные (прорывные)⁶ инновации, реально существующие проекты, феномены, процессы, отношения, которую и надлежит выделить.

Во что выльется трансформация медицинского права под влиянием диджитализации, сегодня крайне сложно точно спрогнозировать. Однозначно то, что такие тектонические трансформации, сдвиги уже начались сегодня.

Но с высокой уверенностью можно предиктивно выделить следующие направления трансформации и/или развития медицинского права в условиях диджитализации:

1) существенное, прорывное развитие (далее по сегментам (кластерам) референтной предметно-объектной области):

- развитие кластеров нормативного регулирования задействования технологий цифровых моделей-двойников (образов)⁷ человеческих органов и в целом тел (организмов) пациентов (и даже групп пациентов)⁸ и технологий дополненной и/или гибридной реальности – в целях выработки персонализированных траекторий диагностики и лечения, предиктивного, априорного моделирования («проигрывания», воспроизведения) применения тех или иных диагностических и терапевтических (и при необходимости – паллиативных) средств, а также в образовательных целях;

- развитие кластеров нормативного регулирования задействования юнитов искусственного интеллекта⁹ в целях выработки персонализированных траекторий диагностики и лечения (прежде всего при лечении орфанных заболеваний или в случаях со сложной клинической картиной), в целях выработки путей преодоления кризисных явлений в сфере здравоохранения и демографии, преодоления дефектов, дисфункций и дисбалансов государственного управления¹⁰ в сфере здравоохранения, а для выявления и «взвешивания» рисков в сфере здравоохранения и демографии;

- развитие кластеров нормативного регулирования задействования мультимодальной операциональной и обучающей медицинской аналитики, в том числе предиктивной медицинской и санитарно-эпидемиологической аналитики;

- развитие кластеров нормативного регулирования 3D-печати человеческих органов и тканей;

- развитие кластеров нормативного регулирования трансплантологии, в том числе сложно-онтологических ее технологий, типа пересадки лица человека¹¹ и, возможно, в будущем – головы человека (что пока на уровне мысленных допущений);

- развитие кластеров нормативного регулирования операциональных систем аккумуляции, обобщения и обработки данных о врачебных ошибках и иных дефектах медицинской помощи;

- развитие кластеров нормативного регулирования генетических экспериментов, иных медико-биологических (в том числе опытных) манипуляций с человеческой генетикой;

- развитие кластеров нормативного регулирования телемедицины и иных удаленных цифровых (цифровизированных) медицинских сервисов;

– развитие кластеров нормативного регулирования био-киберфизических систем¹²;

– развитие кластеров нормативного регулирования цифровых сущностей и соответствующих им правовых фикций¹³ (к примеру – электронных лиц¹⁴) в сфере здравоохранения;

– развитие кластеров нормативного обеспечения задействования концептов и платформ цифрового публичного управления в сфере здравоохранения;

2) существенная трансформация структуры и онтологии нормативного регулирования в сфере здравоохранения:

2.1) частично синтез, частично сложная интерференция, частично сложные контраверсивные интерреляции (столкновения противоречий) цифрового права¹⁵, медицинского права¹⁶, биоэтики как системы нормативной регламентации (lex biomedica)¹⁷, фармацевтического

права¹⁸, придавая каждой из этих составных частей новые качества, свойства, онтологии, но, отметим, на фоне обострения крупнейших биоэтических проблем и противоречий;

2.2) существенное повышение веса документов экстраправового нормативного регулирования в сфере здравоохранения, прежде всего – за счет повышения значения и признаваемого публичной властью объема нормативных актов, издаваемых автономными органами профессиональных врачебных сообществ;

2.3) существенная прошивка всего объема медицинского права дополнительным и очень жестким нормативным порядком инструментов правового признания и гарантирования, правовой охраны и защиты персональных данных, достоинства личности человека и его частной жизни, инструментов в целом обеспечения кибербезопасности в сфере здравоохранения;

3) масштабный аудит (и основанная на нем тотальная омология) всего медицинского права и одновременно всего фармацевтического права, в целом всего нормативного регулирования в сфере здравоохранения – посредством, в числе прочего, задействования (доведенных уже к тому недалеком уже времени до ума) технологий машинно-читаемого права, комплексного (или сильного) искусственного интеллекта и Big Data.

Во что все эти процессы трансформации медицинского права выльются, предугадать ныне сложно, но ясно и важно одно: если мы удержим нравственно-этическое и разумно-рациональное фреймирование (удержание динамическими рамками, жесткими пределами) этих процессов, то мы не получим на выходе существенных угроз выживанию человечества как вида, что в противном случае нам придется пожинать. ☒

¹ Assessing the impact of digital transformation of health services / EXPN (Expert Panel on effective ways of investing in Health). – Luxembourg: Publications Office of the European Union, 2019. – 104 p. – P. 11.

² Понкин И.В., Понкина А.А., Лаптев В.С. Концепты электронного здравоохранения и электронного здоровья человека // Наркология. – 2014. – № 6. – С. 34–40.

³ Nahra K.J., Corbin B.A. Digital health regulatory gaps in the United States // Compliance Elliance Journal. – 2018. – Vol. 4. – № 2. – P. 21–34. – P. 24. <<https://ul.qucosa.de/api/qucosa%3A32046/attachment/ATT-0/>>.

⁴ Куприяновский В.П. Применение формализованных онтологий: Проекты Европейского союза по медицине / Презентация / Архив автора.

⁵ Casey B., Lemley M.A. You Might Be a Robot [Вы могли бы быть роботом] // Cornell Law Review. – 2020. – Vol. 105. – P. 287–361. – P. 287.

⁶ **Подрывные технологические инновации** – это инновации в сферах промышленных, информационно-телекоммуникационных и компьютерно-программных, финансовых, регуляторных технологий, медицинских и биотехнологий, технологий материалов и др., которые в корне отличаются от ранее имевших место или синтезированные на основе которых новые славы технологий, предприятий и рынков в корне отличаются от того, что существовало раньше, следствием чего является очень быстрый (вплоть до фульминантного (молниеносного)), внезапный и неожиданный сдвиг технологических парадигм и переход к настолько качественно существенно более продвинутому (кардинально-омоложенным) состояниям в промышленных технологиях и экономике, научных знаниях, в финансовых и регуляторных технологиях, что это влечёт даже не просто сильно выраженные (и ощутимые) или вообще радикальные изменения ландшафтов – регулятивного, экономического, технологического и т.д., сколько построение кардинально новых (как минимум – кардинально-омоложенных) ландшафтов («миров»), выражено контраверсивных к предшествовавшим ландшафтам, дела их безнадежно устаревшими. (Понкин И.В., Куприяновский В.П., Морева С.Л., Понкин Д.И. Подрывные технологические инновации: понятие, значение и онтология // International Journal of Open Information Technologies. – 2020. – Vol. 8. – № 8. – С. 60–68. – С. 63–64).

⁷ Согласно нашему авторскому концепту, технология цифровой модели-двойника – это сложно-онтологизированный исследовательский (а равно операционный и проектировочный) метод, предусматривающий: – специфически-онтологизированную многомерную и многопрофильную объектно-ориентированную (статическую и / или динамическую), содержательно-сложно-насыщенную (структурно-функциональную, инструментально-параметрическую и иную) имитацию-образ (симуляцию, эму-

ляцию) в информационно-моделируемой (смоделированной) цифровой репрезентации (в копирующем или моделирующе-аппроксимированном к оригиналу воспроизведении, «проигрывании») исследуемого / оцениваемого сложного реального объекта или проектируемого / конструируемого будущего объекта – во всей его сложной и органически-целостной (то есть системно-интегративной – как органически-единого объекта) онтологии и со всеми его внутренними и, по необходимости, внешними дескриптивными параметрами и чертами, референциями (зависимостями, взаимосвязями, в том числе обратными и пересекающимися) и референтными данными; – виртуальное метасистемное отображение и описание (и одновременно: поподсистемно, или каскадированно-последно, или пакетно, в избранных аранжировках-компоновках, с различными степенями дифференцировки), моделирующе-интегрирующее всю инфраструктурно-системную (нормативную, экономическую, функционально-логистическую, архитектурно-конструкторскую, инженерно-технологическую и иную) «начинку» сложного объекта и процессы внутри объекта (а равно непосредственно связанные с объектом) в течение всего его (имитируемого в модели) жизненного цикла или заданного периода времени. (Понкин И.В., Лаптева А.И. *Право и цифра: Машинночитаемое право, цифровые модели-двойники, цифровая формализация и цифровая онто-инженерия в праве: Учебник / Консорциум «Аналитика. Право. Цифра»*. – М.: Буки Веди, 2021. – 174 с. – С. 131).

⁸ Под «электронным здоровьем человека» (eHealth в узком значении), в нашем концепте, понимается имитационно-информационная модель (программно смоделированный динамический электронный образ) статического и динамического состояния здоровья конкретного человека и существенных особенностей его организма, основанная на снятии (в том числе персональными датчиками), получении и обработке соответствующей медицинской информации и ведении электронной медицинской истории здоровья (включая истории болезней). (Понкин И.В., Понкина А.А., Лаптев В.С. Концепты электронного здравоохранения и электронного здоровья человека // Наркология. – 2014. – № 6. – С. 34–40).

⁹ **Искусственный интеллект** – это искусственная сложная кибернетическая компьютерно-программно-аппаратная система (электронная, в том числе виртуальная, электронно-механическая, био-электронно-механическая или гибридная) с когнитивно-функциональной архитектурой и собственными или релевантно доступными (придантыми) вычислительными мощностями необходимых ёмкостей и быстродействия, обладающая: – свойствами субстантивности (включая определённую субъектность, в том числе как интеллектуального агента) и в целом автономности, а также

элаборативной (имеющей тенденцию совершенствования) операционально-сти;

– высокоуровневыми возможностями воспринимать (распознавать, анализировать и оценивать) и моделировать окружающие образы и символы, отношения, процессы и обстановку (ситуацию), самореферентно принимать и реализовывать свои решения, анализировать и понимать свои собственные поведение и опыт, самостоятельно моделировать и корректировать для себя алгоритмы действий, воспроизводить (эмулировать) когнитивные функции, в том числе связанные с обучением, взаимодействием с окружающим миром и самостоятельным решением проблем;

– способностями самореферентно адаптировать своё собственное поведение, автономно глубоко самообучаться (для решения задач определённого класса или более широко), осуществлять омологацию себя и своих подсистем, в том числе вырабатывать омологированные «языки» (протоколы и способы) коммуникации внутри себя и с другими искусственными интеллектами, субстантивно выполнять определённые антропоморфно-эмулирующие (конвенционально относимые к прерогативе человека (разумного существа)) когнитивные (в том числе познавательно-аналитические и творческие, а также связанные с самоосознанием) функции, учитывать, накапливать и воспроизводить (эмулировать) опыт (в том числе человеческий). (Понкин И.В., Редькина А.И. Искусственный интеллект с точки зрения права // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер. «Юридические науки». – 2018. – Т. 22. – № 1. – С. 91–109. – С. 94–95).

¹⁰ См.: Понкин И.В. Девиантология государственного управления: Учебник. – М.: ИНФРА-М, 2019. – 301 с.

¹¹ См.: Епанчина М.П. Право на лицо: первые результаты исследования // Юрист вуза. – 2012. – № 6. – С. 43–46. Епанчина М.П. Этико-правовые проблемы трансплантации лица человека // Нравственные императивы в праве. – 2012. – № 1. – С. 64–70.

¹² **Биоподобное робототехническое устройство** – робототехническое устройство, созданное с использованием биотехнологий и биообъектов или эмулирующее (воспроизводящее, моделирующее по образу и подобию) биологический объект. **Природоподобные конвергентные технологии** – технологии создания (производства, воспроизводства, эмулирования) объектов, среды или онтологий, процессов, энергии или иных ресурсов, а равно перераспределения и задействования (в том числе потребления)

таковых по образу и подобию объектов и процессов живой природы или аппроксимации таковых к свойствам или онтологиям, наблюдаемым в живой природе. (Понкин И.В. Девиантология государственного управления: Учебник. – М.: ИНФРА-М, 2019. – 301 с. – С. 284–285).

¹³ В упрощённой модальности, **сущность** (англ. – «entity») – «обособленно существующий предмет (материальный или нематериальный)». **Цифровая сущность** (англ. – «digital entity») – любой вычислительный элемент или элемент данных». (Предварительный национальный стандарт Российской Федерации ПНСТ 429–2020 «Умное производство. Двойники цифровые производства». Ч. 1: «Общие положения». – М.: Стандартинформ, 2020. – С. 2–3. Пункты 3.1.6 и 3.2.1).

¹⁴ См.: Морхат П.М. Право и искусственный интеллект / Предисл. И.А. Близнаца и И.В. Понкина; под ред. И.В. Понкина / Российская гос. академия интеллектуальной собственности. – М.: Юнити-Дана, 2018. – 544 с.

¹⁵ См. авторские объяснения: Понкин И.В., Лаптева А.И. **Право и цифра: Машиночитаемое право, цифровые модели-двойники, цифровая формализация и цифровая онто-инженерия в праве: Учебник / Консорциум «Аналитика. Право. Цифра»**. – М.: Букки Веди, 2021. – 174 с.

¹⁶ См. авторские объяснения: Понкин И.В., Понкина А.А. К вопросу о правовой и фактической обоснованности введения научной специальности «Медицинское право. Фармацевтическое право» в номенклатуру специальностей научных работников // Медицинское право. – 2019. – № 6. – С. 3–8.

¹⁷ См. авторские объяснения: Понкин И.В., Понкина А.А. Понятие, природа и онтология lex biomedica // Акушерство, гинекология и репродукция [Obstetrics, Gynecology and Reproduction]. – 2020. – Т. 14. – № 4. – С. 515–522. Понкин И.В., Баранов В.М., Понкина А.А. **Регулятивное значение биоэтики (культурно-психологические и технико-юридические проблемы)** // Актуальные проблемы управления здоровьем населения: Сб. науч. трудов Третьей Всерос. науч.-практич. конф. «Медицина и право в современных условиях» (Нижний Новгород, 11.02.2020). Вып. XIII. Т. I / Под общ. ред. И.А. Переслегиной, В.М. Леванова. – Нижний Новгород: Изд-во Приволжского исследовательского медицинского университета, 2020. – 285 с. – С. 238–243.

¹⁸ См. авторские объяснения: Понкин И.В., Понкина А.А. **Фармацевтическое право**. – М.: ГЭОТАР-Медиа, 2017. – 144 с.

К вопросу о биоресурсных центрах и биоколлекциях¹

Мохов А. А., профессор, заведующий кафедрой медицинского права
Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА), г. ю. н.

Аннотация:

Биотехнологии развиваются активными темпами. Формируются зачатки биоэкономики и ее отдельных отраслей и секторов. Появляются новые возможности для государства, общества, человека. В то же время возрастают и отдельные риски, нагрузка на биосферу. Формирующаяся инфраструктура биоэкономики должна, с одной стороны, способствовать ускоренному развитию новых технологий, с другой, обеспечивать биологическое разнообразие, биологическую безопасность, нивелировать реальные и потенциальные угрозы и риски. В формирующейся инфраструктуре биоэкономики заметную роль играют не только биобанки как специализированные хранилища биообъектов, биоматериалов, но и биоресурсные центры, формирующие и поддерживающие биоколлекции (растений, животных, микроорганизмов, вирусов и др.). В силу новизны таких биоресурсных центров как субъектов и биоколлекций как объектов, комплексов, предпринимается попытка их осмысления, определения вектора развития национального законодательства о биоресурсных центрах и биоколлекциях в России.

Ключевые слова:

биотехнологии, биоэкономика, биоразнообразие, биобезопасность, инфраструктура, биологические объекты и образцы, биологические коллекции, биоресурсные центры, биобанки, законодательство.

Александр МОХОВ

Вектор развития научно-технического прогресса в настоящее время во многом обусловлен биологическими и информационными технологиями, выступающими драйвером инноваций для ряда отраслей и секторов экономики (сельское хозяйство, пищевая промышленность, медицина, фармацевтика и др.). Активное вмешательство человека в природу достигает невиданных

высот в связи с переходом в пост-геномную эру, что стало возможным в связи с расшифровкой генома человека, значительного числа видов растений и животных. Появляются новые возможности, а также вызовы и угрозы, с которыми человек еще не встречался. В таких условиях должен ставиться и решаться вопрос об использовании новых технологий не только на сложившихся ранее принципах рыночной экономики (максимизация прибыли, снижение издержек и др.), но и на принципах, обеспечивающих гармонизацию интересов граждан, общества и государства в экономике и социальной сфере. По крайней мере, уже сейчас необходимо при принятии бизнес-решений, политических решений учитывать обязательность поддержания биологического разнообразия, а также обеспечения биологической и иных видов безопасности на приемлемом для общества уровне. В этой связи возникает потребность внедрения в широкую практику лишь технологий, отвечающих высоким

требованиям (по видам эффективности, безопасности, этичности). По существу, речь идет о дальнейшем развитии доктрины социального предпринимательства, социальной ответственности в формирующемся новом технологическом биоинформационном укладе. Кроме того, необходимо ставить и решать вопрос о создании технических, организационных, правовых и иных средств и механизмов, обеспечивающих защиту природы, территорий, человека от возможных предсказуемых и непредсказуемых на данном этапе развития науки негативных последствий активного вмешательства человека в сложные биологические процессы (на различных уровнях).

Так, в США за неполные сто лет произошло снижение числа имеющихся в распоряжении сельхозпроизводителей сортов сельскохозяйственных культур более чем в десять раз. Биологам хорошо известен эффект бутылочного горлышка – сокращение численности популяции, происходящее в силу различных причин.

В России последние годы уделяется повышенное внимание проблемам обеспечения отдельных видов безопасности в связи с наблюдаемыми негативными тенденциями. Федеральный закон от 30.12.2020 г. № 492-ФЗ «О биологической безопасности в Российской Федерации»² к основным биологическим угрозам отнес нарушение нормальной микробиоты человека, сельскохозяйственных животных и растений, приводящее к возникновению и распространению связанных с этим заболеваний. Среди мер защиты в законе названы: сохранение и восстановление нормальной микробиоты человека, сельскохозяйственных животных, а также редких и исчезающих видов животных и растений.

В Указе Президента РФ от 31.12.2015 г. № 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации»³ отмечается, что обеспечение продовольственной безопасности осуществляется за счет развития племенного дела, селекции, семеноводства и аквакультуры, формирования достаточных федеральных фондов семян сельскохозяйственных растений (в том числе страховых фондов семян). В целях противодействия имеющимся угрозам должны приниматься меры, направленные на сохранение редких и исчезающих видов растений и животных.

Согласно Указу Президента РФ от 19.04.2017 г. № 176 «О Стратегии экологической безопасности Российской Федерации на период до 2025 года» к приоритетному направлению обеспечения экологической безопасности отнесено расширение мер по сохранению биологического разнообразия, в том числе редких и исчезающих видов растений, животных и других организмов.

В Указе Президента РФ от 21.01.2020 г. № 20 «Об утверждении Доктрины продовольственной

безопасности Российской Федерации»⁴ обращается внимание на реализацию мер для преодоления сокращения национальных генетических ресурсов животных и растений.

Комплекс различных технологических, финансово-экономических, социо-гуманитарных, а также инфраструктурных проблем, требует рассмотрения феномена биоэкономики с позиций теории систем, анализа и учета различных факторов и условий, как способствующих, так и препятствующих технологическому и социально-экономическому развитию исходя из долгосрочных интересов как нынешнего, так и будущих поколений⁵.

Говоря об инфраструктуре биоэкономики, нельзя не обратить внимания на биоресурсные центры. В последние годы указания на них все чаще встречаются в национальных документах.

Согласно Паспорту национального проекта «Наука»⁶ необходимо обеспечить формирование, хранение и предоставление образцов в соответствии с мировыми стандартами работы биоресурсных центров, услуги которых востребованы организациями, в том числе реального сектора экономики.

В Постановлении Правительства РФ от 22.04.2019 г. № 479 «Об утверждении Федеральной научно-технической программы развития генетических технологий на 2019–2027 годы»⁷ акцентируется внимание на формировании, хранении и предоставлении образцов коллекций в соответствии с мировыми стандартами.

Согласно Поручению Президента РФ от 4.06.2020 г. № Пр-920 «Перечень поручений по итогам совещания по вопросам развития генетических технологий»⁸ по направлениям реализации Федеральной научно-технической программы развития генетических технологий

на 2019–2027 годы должны быть созданы биоресурсные центры.

В отечественной доктрине не сложилось общепринятого понятия «биоресурсный центр». В зарубежной литературе чаще пишут о биобанках, реже – о биоресурсных центрах. В основном приводятся общие формулировки. В некоторых из них акцентируется внимание на отдельных видах деятельности, операциях, процедурах. Достоверных различий по одному либо нескольким критериям между биобанками (Biobank), биорепозиториями (Biorepository), биологическими ресурсными центрами (Biological resource centre), по общему правилу, не усматривается. Большое влияние на понятийный аппарат также оказывают национальные правовые традиции, степень развитости научной инфраструктуры и другие факторы. Большее развитие и, как правило, детализацию получили биобанки (биоресурсные центры), ориентированные на решение задач медицины, здравоохранения, фармацевтического бизнеса. Меньшее – на решение задач в области растениеводства, сельского хозяйства, ветеринарии.

Исследовательская инфраструктура биобанков и биомолекулярных ресурсов (BBMRI) под биобанком предлагает понимать организацию, которая хранит биологические образцы и связанную с ними информацию, являясь источником материала, информации для развития биотехнологий, здравоохранения, исследований в области наук о жизни⁹.

Понятие биоресурсного центра может быть выведено на основе изучения слов «ресурсы», «биоресурсы», «центр» и некоторых других.

В Федеральном законе от 10.01.2002 г. № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды»¹⁰ закреплено понятие природных ресурсов как компонентов природной среды, природных и природно-антропогенных

объектов, которые используются или могут быть использованы при осуществлении хозяйственной и иной деятельности в качестве источников энергии, продуктов производства и предметов потребления и имеют потребительскую ценность.

Ключевым здесь является указание на группу объектов, обладающих неким единством, и их потребительскую ценность, а также использование в хозяйственной и иной деятельности.

В Федеральном законе от 20.12.2004 г. № 166-ФЗ «О рыболовстве и сохранении водных биологических ресурсов»¹¹ дается понятие водных биологических ресурсов, куда включены рыбы, водные беспозвоночные, водные млекопитающие, водоросли, а также другие водные животные и растения.

Федеральный закон от 24.04.1995 г. № 52-ФЗ «О животном мире»¹² содержит понятие генетических ресурсов животного мира, под которыми понимаются биологические ресурсы, включающие генетический материал животного происхождения, содержащий функциональные единицы наследственности.

Имеются указания на биологические ресурсы и в иных нормативных правовых актах различного уровня. Их анализ показывает, что единая дефиниция «биоресурсы» отсутствует, что неудивительно. Имеется их большое разнообразие, в отношении них осуществляются различные виды деятельности (от охраны до широкого использования в науке, инновационном бизнесе), они сосредоточены в различных географических зонах, на различных территориях (акваториях). Их общими признаками являются: их биологическое происхождение и ценность (реальная либо потенциальная) для человека, природной среды.

Центры – в самом общем виде – это организации либо структурные

подразделения организации, как правило, специализированные, занимающиеся отдельным либо связанными видами деятельности. Законодатель различает испытательные, удостоверяющие, инновационные, культурные, образовательные и иные центры.

Биоресурсные центры не только являются специализированными

Ключевым здесь является указание на группу объектов, обладающих неким единством, и их потребительскую ценность, а также использование в хозяйственной и иной деятельности

ми хранилищами биообъектов, биоматериалов, биообразцов (как большинство биобанков), они, на наш взгляд, хранят и поддерживают биологические коллекции.

В России дефиниция «биологическая коллекция» также не является устоявшейся, хотя фактически в научных и образовательных организациях страны хранятся сотни различных по назначению, ценности и другим характеристикам такого рода собраний.

В основном мы имеем ряд актов, преимущественно ведомственных, которые в той или иной мере регулируют отдельные этапы работы с биоколлекциями, а также

жизненного цикла биообъектов. Положения, определяющие базовые параметры биологических коллекций, в настоящее время отсутствуют. Лишь в ст. 29 Федерального закона от 24.04.1995 г. № 52-ФЗ «О животном мире»¹³ законодателем предпринималась попытка дать понятие зоологической коллекции и закрепить основные этапы их жизненного цикла.

Биологические коллекции различаются по объектам (микроорганизмы, вирусы, растения, животные, объекты человеческого происхождения и др.), предназначены для решения различных задач (хранение, обеспечение биоразнообразия, биобезопасности, научных, образовательных и др.). Часть коллекций имеет большую ценность для развития инноваций, получения новых продуктов, товаров.

Неоднородность имеющихся и возможных биокolleкций затрудняет выработку общих дефиниций и норм, определяющих этапы жизненного цикла биообъектов, находящихся в биокolleкциях (поступление, хранение, использование, передача, утилизация и др.).

В качестве одной из старейших (хранится, поддерживается более ста лет) биокolleкций генетических ресурсов растений можно назвать «Вавиловскую коллекцию», сосредоточенную в Федеральном исследовательском центре «Всероссийский институт генетических ресурсов Н.И. Вавилова (ВИР)» Министерства науки и высшего образования. Коллекция включает более 320 тыс. образцов, относящихся к 2 тыс. видам. При этом около 20% коллекции к настоящему времени являются уникальными. Ценность коллекции по экспертным оценкам, составляет более 8 трлн долл. США.

Одна из самых известных в мире коллекций семян («хранилище Судного дня») находится на Шпиц-

бергене. Она ориентирована на сохранение семян сельскохозяйственных растений на случай глобальных катастроф.

Дальнейшее развитие биоэкономики, становление и развитие биоресурсных центров, в ведении которых находятся (будут находиться) биокolleкции, требует ряда решений организационного и правового характера.

Полагаю, что в целом под биокolleкцией можно понимать совокупность биоресурсов, биообразцов, сгруппированных, хранимых по определенным критериям, признакам, правилам.

В отношении биокolleкции в целом и отдельных биообъектов осуществляется постоянная работа (хранение, сохранение в «живом использовании», научные исследования, другие виды деятельности).

Биоресурсный центр – это хозяйствующий субъект, осуществляющий деятельность в отношении биокolleкции, а также иную, сопутствующую коллекционной деятельности.

Биоресурсный центр – специализированная организация либо обособленное подразделение организации, которая хранит биологическую коллекцию (коллекции), использует в установленных законодательством пределах биообъекты, образцы и связанную с ними либо извлекаемую из них информацию исключительно для решения заранее определенного круга задач.

Перечень задач может различаться. К ним относят: обеспечение биоразнообразия, сохранение для потомков ценных объектов, обеспечение биобезопасности, научная и образовательная деятельность, идентификация биообъектов, контроль (надзор) за биотехнологиями, объектами, продуктами, разработка и внедрение инноваций (технологических, продуктовых).

К биоресурсному центру как к организации, осуществляющей специальный либо исключительный вид деятельности (в зависимости от специфики объектов), а также находящейся у него на каком-либо праве (по общему правилу, на праве оперативного управления) биокolleкции, должны предъ-

В отношении биокolleкции в целом и отдельных биообъектов осуществляется постоянная работа (хранение, сохранение в «живом использовании», научные исследования, другие виды деятельности)

являться повышенные требования (к организации, руководству, работникам и др.).

Наличие общих характеристик, признаков и биоресурсных центров, и биокolleкций предопределяет формирование общего и специальных правовых режимов деятельности биоресурсных центров в отношении имеющих в их владении и пользовании биокolleкций.

При «конструировании» правовых режимов необходимо:

– обеспечить долгосрочное гарантированное сохранение биоресурсов (разные виды хранения, в т. ч. для отдельных – в «живом виде»)

вне зависимости от каких-либо внешних экономических, природных, политических и иных факторов (чрезвычайные ситуации, военное положение и др.);

– обеспечить охрану экземпляров биокolleкции (несанкционированный доступ, копирование и др. без соответствующих правовых оснований), земель, иного имущества биоресурсного центра;

– закрепить порядок ввоза, вывоза, пополнения, обмена экземплярами биокolleкции (ограничения, запреты, обмен на условиях взаимности и др.);

– определить основания и условия возмездных сделок с экземплярами биокolleкции.

В контурах проектного законодательства должны быть определены:

– предмет регулирования, сфера применения, законодательство о биоресурсных центрах и биокolleкциях;

– основные понятия (биокolleкция, биоресурсы, биообразцы, биоресурсный центр, перечень коллекций (особо ценных, опасных и др.);

– имущество биоресурсных центров (биокolleкция, земельные участки, иное недвижимое и особо ценное движимое имущество);

– полномочия федеральных органов исполнительной власти в сфере биокolleкционной деятельности;

– обязанности и права биоресурсных центров;

– требования к биоресурсным центрам;

– условия, порядок доступ к биокolleкциям, передача биообразцов, хранение и др.;

– контроль (надзор) за биоресурсными центрами и биокolleкциями;

– вопросы единства и дифференциация правовых режимов (по центрам, хранимым биокolleкциям и др.);

– юридическая ответственность в сфере биокolleкционной деятельности.

Биокolleкции, представляющие особую ценность, а также биокolleкции, в которых хранятся возбудители заболеваний человека, растений, животных, являются предметом интереса преступных групп, иностранных спецслужб, некоторых бизнес-структур и иных субъектов. В связи с изложенным довольно остро стоят вопросы физической, технической, а также правовой охраны биокolleкций. Особая сложность – обеспечить охрану биокolleкций в целом и их отдельных образцов в период экономических кризисов, чрезвычайных ситуаций природного либо техногенного характера, военного положения.

В связи с изложенным также требуется разработка особого (экстраординарного) правового режима деятельности биоресурсных

центров. В его границах должны быть решены организационные и технические вопросы поддержания, дублирования экземпляров, территориального распределения, резервирования, временной передачи на хранение отдельных биобразцов биокolleкции.

Сценарии развития законодательства о биоресурсных центрах и биокolleкциях могут быть разные:

- разработка и принятие Федерального закона «О биоресурсных центрах и биокolleкциях»;
- принятие федерального закона или законов по отдельным биоресурсным центрам и биокolleкциям;
- внесение дополнений в уже действующие федеральные законы;
- решение наиболее острых проблем деятельности биоресурсных центров за счет подзаконных актов.

У каждого из вариантов есть свои преимущества и недостатки (системность, степень юридуко-технической

проработки документов, длительность, оперативность и др.).

Полагаю, что с позиций системного подхода, а также потребностей долгосрочного социально-экономического развития страны, ее научного и инновационного потенциала предпочтительными являются первые два сценария. Первый является наиболее трудоемким и длительным, сложен в согласовании и сближении позиций основных участников такой деятельности (в силу неоднородности биокolleкций и решаемых задач). Второй позволяет довольно обстоятельно урегулировать деятельность конкретного биоресурсного центра либо их однородной группы (например, в сфере охраны здоровья граждан, фармацевтике). Однако в дальнейшем могут возникнуть проблемы дублирования нормативного материала при разработке специального правового режима для другой группы биоресурсных центров.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Правовые основы биоэкономики и биобезопасности / Отв. ред. А.А. Мохов, О.В. Сушкова. – М.: Проспект, 2021. – 480 с.

2. Assabler M., Zatloukal K. Biobanks: transnational, European and global network. Brief. Funct. Genomic. Proteomic 2007; 6 (3): 193–201.

¹ Статья подготовлена при поддержке Минобрнауки России (Тема: «Правовое регулирование ускоренного развития генетических технологий: научно-методическое обеспечение»; № 730000Ф.99.1.ББ16АА02001).

² СЗ РФ. 2021. № 1 (часть I). Ст. 31.

³ СЗ РФ. 2016. № 1 (часть II). Ст. 212.

⁴ СЗ РФ. 2020. № 4. Ст. 345.

⁵ См. подробнее: Правовые основы биоэкономики и биобезопасности / Отв. ред. А.А. Мохов, О.В. Сушкова. – М.: Проспект, 2021. – 480 с.

⁶ утв. президиумом Совета при Президенте Российской Федерации по стратегическому развитию и национальным проектам (протокол от 24 декабря 2018 г. № 16) // Текст паспорта официально опубликован не был.

⁷ СЗ РФ. 2019. № 17. Ст. 2108.

⁸ Текст поручения опубликован не был.

⁹ См.: Assabler M., Zatloukal K. Biobanks: transnational, European and global network. Brief. Funct. Genomic. Proteomic 2007; 6 (3): 193–201.

¹⁰ СЗ РФ. 2002. № 2. Ст. 133.

¹¹ СЗ РФ. 2004. № 52 (часть I). Ст. 5270.

¹² СЗ РФ. 1995. № 17. Ст. 1462.

¹³ СЗ РФ. 1995. № 17. Ст. 1462.

Проблемы оказания медицинских услуг в социальной сети Instagram

Шаяхметова А. Р., к. ю. н., Башкирская академия государственной службы
и управления при Главе Республики Башкортостан

Аннотация:

Рынок услуг в современном мире разнообразен. Услуги оказываются повсеместно, набирает популярность оказание медицинских услуг в социальной сети Instagram. В статье уделено внимание правовой регламентации медицинских услуг, оказываемых физическими лицами самостоятельно без участия медицинских организаций. Рассмотрены условия оказания услуг и вопросы привлечения исполнителя к ответственности.

Ключевые слова:

медицинская услуга, социальная сеть, ответственность, медицинская деятельность, аккаунт, медицинская организация, деликтная ответственность, причинение вреда, медицинское вмешательство.

Рост потребностей граждан в сфере услуг приводит к расширению рынка услуг, появляются как новые виды, так и новые способы их оказания. Медицинские услуги занимают один из крупнейших сегментов на потребительском рынке.

Буквально 5–7 лет назад невозможно было представить, что медицинские услуги могут оказываться дистанционно, с использованием социальных сетей.

Сегодня о существовании социальной сети Instagram знают люди всех возрастных категорий – это способ общения, способ продажи товаров и услуг.

Социальная сеть привлекает потребителя возможностью легкого поиска необходимой информации, обилием текстового и графического контента.

Instagram привлекает простотой регистрации и неограниченными возможностями как по поиску клиентов, так и по поиску исполнителей услуг, благодаря чему рынок медицинских услуг занял одну из ключевых позиций.

Поиск в сети по хештегу #доктор или #медицинские услуги выдает тысячи аккаунтов на связанные темы.

Оказание медицинских услуг в социальных сетях законодательно не регламентировано, что позволяет трактовать это совершенно по-разному.

С точки зрения правоприменения аккаунт может рассматриваться в нескольких плоскостях:

- нематериальный объект, созданный в результате творчества автора;
- информационная площадка или средство связи;
- оборотоспособное благо¹.

В рамках оказания медицинских услуг в сети Instagram наиболее приемлема терминология аккаунта как информационной площадки.

Деятельность по оказанию медицинских услуг, согласно законодательству Российской Федерации, подлежит лицензированию². Лицензии выдаются медицинским организациям либо индивидуальным предпринимателям, оказывающим услуги.

Зачастую, когда профиль в Instagram принадлежит медицинской организации или индивидуальному предпринимателю, предлагающим различный спектр медицинских услуг, в нем указаны основная информация об исполнителе,

его местонахождение, контактные данные, сведения о лицензии. В таком случае бизнес-профиль несет рекламный характер и дает отсылку непосредственно на сайт исполнителя, по результатам изучения которого лицо принимает решение о необходимости заключения договора.

Факт выдачи лицензии и срок ее действия можно проверить на сайте Росздравнадзора в едином реестре лицензий³. Однако на практике встречаются случаи размещения исполнителем лицензии с истекшим сроком годности либо указание им видов медицинских услуг, не входящих в перечень услуг по лицензии.

Конфиденциальность и защита личной информации являются фундаментальными ценностями для Facebook (Instagram). Нормы сообщества предписывают, какой контент разрешен или запрещен на Facebook⁴. Ими приложено максимум усилий для защиты идентификационных данных и личной информации, внесен запрет на публикации личной или конфиденциальной информации о себе либо других людях.

Согласно нормам сообщества, запрещается публиковать контент,

в котором через Facebook или внешние ссылки предоставляется или запрашивается какая-либо информация медицинского характера, а именно записи или официальные документы других людей, содержащие их медицинские, психологические, биометрические данные или генетические данные о наследственности.

В соответствии с законом, операторы и иные лица, получившие доступ к персональным данным, обязаны не раскрывать третьим лицам и не распространять персональные данные без согласия субъекта персональных данных, если иное не предусмотрено федеральным законом⁵.

Данные нормы в большинстве своем соблюдаются владельцами бизнес-профиля медицинской организации.

Вызывают опасения страницы «докторов», не зарегистрированных в качестве индивидуальных предпринимателей, предлагающих широкий спектр медицинских услуг как онлайн (видеоконсультации, письменные консультации, назначение лечения по представленным онлайн документам), так и офлайн (выездные приемы на дому, приемы в местах, не предназначенных для медицинских услуг, в том числе в помещениях различных центров и салонов красоты).

Оказание медицинских услуг данной группой лиц находится вне рамок правового поля. С одной стороны, даже если у автора аккаунта имеется медицинское образование это не делает его полноправным участником рынка, т. к. требования к порядку оказания медицинских услуг, в том числе по лицензированию не соблюдены. С другой, оказание услуг на дому или в помещениях, в «немедицинских» условиях несет риск и угрозу жизни и здоровью граждан.

Требования законодательства о персональных данных владельцы

таких аккаунтов научились обходить. Переписка в рамках аккаунта не ведется, по интересующим вопросам для дальнейшего контакта с потенциальным клиентом используется мессенджер WhatsApp либо обращения на электронную почту.

Таким образом, в сети Instagram достигается основная цель исполни-

**Медицинская услуга –
медицинское
вмешательство или
комплекс медицинских
вмешательств,
направленных
на профилактику,
диагностику и лечение
заболеваний, медицинскую
реабилитацию и имеющих
самостоятельное
законченное значение**

теля – заинтересовать клиента, обсуждение условий сделки происходит «за закрытыми дверями» в частном порядке. На практике оформление договорных отношений в ходе таких переговоров не предусмотрено. Есть запрос клиента, поступает оплата, оказывается услуга.

Наибольшую популярность, на основе личных наблюдений автора, набирают «медицинские» консультации по установлению диагноза заболевания и назначению лечения онлайн. Граждане охотно соглашаются на отношения такого порядка, по типу «быстро и недорого». Обычно для проведения такой консультации необходимо сдать

анализы в медицинской организации и представить результаты исполнителю онлайн.

Красиво оформленная страница, с многочисленными хвалебными отзывами, привлекательные цены и быстрота оказания услуги приводят к увеличению популярности такого вида «лечения». Насыщенность контента покрывает первичный запрос клиента, необходимость выяснять законность оказания таких услуг зачастую отпадает и не представляется значимым условием.

Полагаем, что «медицинские услуги» такого плана не подпадают не только под сферу законодательства, регламентирующего деятельность медицинских организаций, но и под защиту Закона о защите прав потребителей в силу субъектного состава. Отношения, где физическое лицо оказывает услугу другому физическому лицу, не подпадают под характер потребительских.

Кроме того, деятельность, совершаемая исполнителем услуги, не может быть отнесена и к разряду медицинской.

Медицинская услуга – медицинское вмешательство или комплекс медицинских вмешательств, направленных на профилактику, диагностику и лечение заболеваний, медицинскую реабилитацию и имеющих самостоятельное законченное значение⁶.

В рамках консультационных услуг онлайн эти услуги медицинским вмешательством не являются, т. к. не представляют собой медицинские манипуляции и не связаны с вмешательством в организм человека.

В свою очередь, медицинские услуги, оказываемые на дому, в том числе и лицами, являющимися дипломированными врачами, законодательно также не могут быть отнесены к медицинским услугам, т. к. данные услуги оказываются без соблюдения требований

законодательства, предъявляемых к медицинской деятельности (отсутствие лицензии, несоблюдение санитарных норм, неподтвержденная квалификация исполнителя услуги).

Главное отличие условно медицинских услуг, оказываемых в сети физическими лицами, это отсутствие необходимости подтверждения квалификации исполнителя. Для регистрации в сети Instagram достаточно ввести свой действующий номер телефона или электронной почты для подтверждения аккаунта.

Instagram не ограничивает таких пользователей в выборе имени и его характеризующих элементов. Любой гражданин по своему желанию может представить себя специалистом любого профиля. Размещение на страницах своего профиля подтверждающих медицинское образование документов не требуется и не регламентируется нормами сообщества, все фотографии профиля являются личными данными владельца аккаунта.

Таким образом, получатель услуги получает сведения о квалификации исполнителя только через самого исполнителя.

Существует ли возможность регламентации такой группы отношений нормами права? Полагаем, что в данном случае применимы общие положения договора об оказании услуг, а деятельность исполнителя следует расценивать как оказание консультационных или информационных услуг.

При оказании медицинских услуг довольно сложно гарантировать достижение положительного результата, поскольку организм человека еще недостаточно изучен современной медицинской наукой; невозможно однозначно спрогнозировать реакцию организма на медицинское воздействие. Исполнитель несет риск причинение вреда в рамках договора на оказание медицинских услуг.

В случае оказания консультационных (информационных) услуг исполнитель не принимает на себя риск возможности наступления негативных последствий.

Открытым остается вопрос сохранения врачебной тайны и персональных данных, переданных исполнителю услуги.

**Открытым
остается вопрос
сохранения врачебной
тайны и персональных
данных, переданных
исполнителю услуги**

Оказание медицинских услуг в медицинских организациях осуществляется на условиях неразглашения информации о факте обращения за медицинской помощью, состоянии здоровья гражданина, диагнозе его заболевания и иных сведений, полученных при его обследовании и лечении.

В рамках оказания консультационных (информационных) услуг исполнитель – физическое лицо не будет являться субъектом разглашения сведений о пациенте, т. к. услуги не являются медицинскими.

Не соблюдается и основное условие любого медицинского вмешательства – добровольное информиро-

ванное согласие лица, обратившегося за услугой.

В основе согласия лежит признание личной и физической неприкосновенности человека, автономии человеческой личности. Любое медицинское вмешательство в человеческий организм возможно только после получения от пациента согласия на это вмешательство.

Лицо должно осознать угрозу имеющегося у него заболевания для своего здоровья и жизни, опасность и сложность предлагаемого медицинского вмешательства; адекватно оценить ожидаемый от него эффект и только после этого выразить свое согласие или несогласие на медицинское вмешательство.

В противном случае действия исполнителя услуги следует расценивать как насилие над личностью и причинение лицу телесных повреждений.

Следовательно, в случае причинения вреда здоровью получателю услуги в результате недобросовестных действий исполнителя консультационной (информационной услуги) необходимо привлекать исполнителя к ответственности в рамках деликтных обязательств.

В свою очередь, отсутствие надлежаще оформленного договора и медицинской документации в процессе оказания таких услуг затрудняет сам процесс доказывания.

Согласно постановлению Пленума Верховного Суда РФ от 15.06.2010 № 16 «О практике применения судами Закона Российской Федерации «О средствах массовой информации»⁷, законодательство РФ не допускает возможности обеспечения нотариусом доказательств по делам, находящимся в производстве суда, однако до возбуждения гражданского дела в суде нотариусом могут быть обеспечены необходимые для дела доказательства.

Соответственно, сведения, которые лицо планирует предоставить в суд в качестве доказательств по делу, размещенные в сети Интернет (переписка в аккаунте, в электронной почте), необходимо удостоверить нотариально до подачи иска.

Таким образом, услуги, оказываемые врачами в сети Интернет самостоятельно без участия медицинской организации, не подпадают под категорию медицинских услуг, что,

соответственно, снижает уровень защиты лиц, получающих такие услуги.

Нормы сообщества Facebook делают акцент на том, что не контролируют высказывания и действия людей и других лиц и не несут ответственности за их действия и поведение (в сети Интернет и вне ее) или контент (в том числе незаконный или предосудительный).

Следовательно, вопросы ненадлежащего исполнения обязательств сторонами должны разрешаться

с учетом общих положений Гражданского кодекса РФ об обязательствах. В свою очередь, вред, причиненный жизни и здоровью гражданина, подлежит возмещению исходя из правил о деликтных обязательствах. Также полагаем, что существует необходимость в конкретизации норм сообщества в части порядка регистрации аккаунтов физическими лицами, планируемыми оказывать медицинские услуги вне рамок медицинских организаций. **□**

Библиографический список

1. Кирсанова Екатерина Евгеньевна. Аккаунт как объект гражданских прав // Вестник арбитражной практики. 2020. – № 2. – С. 46. (44-48).
2. О лицензировании медицинской деятельности: Постановление Правительства РФ от 16.04.2012 № 291 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2012. № 17. Ст. 1965.
3. О персональных данных: Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2006. № 31 (1 ч.). Ст. 3451.
4. Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации: Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2011. № 48. Ст. 6724.
5. О практике применения судами Закона Российской Федерации «О средствах массовой информации»: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15.06.2010 № 16 // Рос. газета. 18 июня 2010.

¹ Кирсанова Екатерина Евгеньевна. Аккаунт как объект гражданских прав // Вестник арбитражной практики. 2020. – № 2. – С. 46. (44-48).

² О лицензировании медицинской деятельности: Постановление Правительства РФ от 16.04.2012 № 291 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2012. № 17. Ст. 1965.

³ Федеральная служба по надзору в сфере здравоохранения (roszdravnadzor.gov.ru).

⁴ Нормы сообщества | Facebook.

⁵ О персональных данных: Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2006. № 31 (1 ч.). Ст. 3451.

⁶ Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации: Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2011. № 48. Ст. 6724.

⁷ О практике применения судами Закона Российской Федерации «О средствах массовой информации»: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15.06.2010 № 16 // Рос. газета. 18 июня 2010.

Особенности осуществления закупок в сфере здравоохранения в период пандемии коронавируса: комментарий изменений законодательства о контрактной системе

Тасалов Ф. А., руководитель управления по нормотворческой работе и правоприменительной практике ООО «РТС-тендер», к. ю. н.

Аннотация:

В статье рассматриваются изменения законодательства о контрактной системе в сфере закупок, осуществляемых заказчиками в системе здравоохранения, направленные на противодействие распространению новой коронавирусной инфекции. Представлен анализ новых требований к формированию заказчиками лотов при проведении закупок, изменений в порядке проведения заказчиками электронных конкурентных способов закупки в сфере здравоохранения. Особое внимание уделено контрактам жизненного цикла в сфере здравоохранения.

Ключевые слова:

государственные закупки; контракт жизненного цикла; лекарства; медицинские изделия; медицинское оборудование; конкурентные закупки; электронные закупки; участник закупки; пандемия коронавируса.

Введение

В период пандемии коронавируса, обусловившей введение в российское законодательства режима повышенной готовности, особую актуальность приобрел вопрос осуществления государственными и муниципальными заказчиками закупок лекарственных средств, медицинских изделий и медицинского оборудования. Динамичный характер развития законодательства о контрактной системе в сфере закупок делает необходимым анализ основных изменений в сфере регулирования отношений по приобретению таких объектов закупки для целей обеспечения государственных и муниципальных нужд.

Продолжающееся реформирование российского законодательства о контрактной системе ставит на повестку задачу не только анализа последних изменений, но и их соотношения с целями, заложенными в отраслевом законодательстве, определяющем правовой режим функционирования государственной и муниципальной системы здравоохранения.

В этой связи необходимо рассмотрение заявленной проблематики и с позиции целей антимонопольного законодательства, направленного на создание хозяйствующим субъектам предпосылок к участию в конкурентной борьбе.

Изменений на рынок публичных закупок в сфере государственной и муниципальной системы здравоохранения. Используемые в статье данные систематизированы и обобщены по отдельным блокам.

Результаты

Таблица № 1

Закупки, предусмотренные п. 4, 5 ч. 1 ст. 93 Закона № 44-ФЗ	Закупки, предусмотренные ч. 12 ст. 93 Закона № 44-ФЗ
Не подлежат контролю ФАС, обжалование действий заказчика участником закупки не допускается.	Подлежат обжалованию в ФАС.
Не требуют публикации заказчиком извещения, могут быть отменены.	Требуют публикации извещения, отмена опубликованной закупки не допускается.
Предметом закупки могут выступать любые товары, работы или услуги, включая продукцию в сфере здравоохранения (лекарственные средства, медицинские изделия, медицинское оборудование).	Предметом закупки может выступать только товар, описание которого есть в каталоге товаров, работ, услуг в единой информационной системе в сфере закупок, нельзя закупить лекарственные средства.
Заказчик и поставщик вправе использовать протокол разногласий на этапе заключения контракта.	Использование протокола разногласий на этапе заключения контракта не допускается.
Информация о заключенном контракте не включается в реестр контрактов.	Информация о заключенном контракте включается в реестр контрактов.

Материалы и методы

Представленная статья основана на анализе изменений законодательства о контрактной системе, антимонопольной и судебной практике его применения с учетом необходимости оценки влияния таких

Обсуждение

Контракты жизненного цикла

В рамках Федерального закона от 27.12.2019 г. № 449-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для

обеспечения государственных и муниципальных нужд» (далее – Закон № 449-ФЗ) законодатель впервые ввел определение контракта жизненного цикла.

Так, в силу п. 8.2 ст. 3 Федерального закона от 05.04.2013 г. № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» (далее – Закон № 44-ФЗ, Закон о контрактной системе) контракт жизненного цикла может быть заключен только в отношении поставки товаров или выполнения работ, включая сферу строительства, предусматривает последующее обслуживание, в случае необходимости последующую эксплуатацию в течение срока службы, ремонт и (или) утилизацию.

Как видим, сфера оказания услуг исключена из предмета контрактов жизненного цикла, что, как представляется, обусловлено спецификой результата оказанных услуг. Другой вывод из определения контракта жизненного цикла заключается в том, что такая сделка представляет собой смешанный договор, на что справедливо указывается в российской юридической доктрине [Свиных 2013: 121].

По справедливому утверждению В.С. Белых, категория жизненного цикла продукции является сквозной, пронизывающей все стадии существования продукции, начиная с ее производства (создания) и заканчивая утилизацией [Белых, Герасимов 2019: 50, 56]. Именно такое толкование, основанное на необходимости придания категории жизненного цикла продукции универсального характера, следует использовать в отношении контрактов жизненного цикла, опосредующих жизненный цикл продукции или результата выполненных работ.

Значение контрактов жизненного цикла закономерно возрастает

по мере расширения законодателем сферы их применения. Так, в 2020 г. заказчики получили право осуществления закупки новых машин и оборудования в рамках контрактов жизненного цикла (ч. 16 ст. 34 Закона о контрактной системе). Отсутствие какой-либо привязки к отраслевой принадлежности таких машин и обо-

Ключевым здесь является указание на группу объектов, обладающих неким единством, и их потребительскую ценность, а также использование в хозяйственной и иной деятельности

рудования в законе № 44-ФЗ позволяет утверждать, что объектами закупки, предполагающей последующее заключение заказчиком и поставщиком контракта жизненного цикла, могут выступать любые машины и оборудование, включая такие объекты в сфере здравоохранения.

Расширение сферы применения контрактов жизненного цикла происходит и в рамках подзаконного нормативного регулирования. С 8.01.2020 г. выполнение работ по техническому обслуживанию медицинской техники (по отдельным кодам ОКПД2) было отнесено Правительством к случаям, когда заказчик обязан устанавливать

к участникам закупки дополнительные требования, если начальная (максимальная) цена контракта (далее также – НМЦК) превышает 10 млн руб. (Постановление Правительства РФ от 27.12.2019 г. № 1922 «О внесении изменений в приложение № 1 к постановлению Правительства Российской Федерации от 04.02.2015 г. № 99»).

В дальнейшем Правительство дополнило перечень случаев, когда заказчики вправе заключать контракты жизненного цикла, закупками медицинской техники по таким же позициям ОКПД2 (Постановление Правительства РФ от 21.01.2020 г. № 27 «О внесении изменения в пункт 1 постановления Правительства Российской Федерации от 28.11.2013 г. № 1087»).

В итоге с 31.01.2020 г. заказчики вправе либо проводить закупки медицинской техники в рамках контракта жизненного цикла, либо осуществлять закупки раздельно на поставку и монтаж медицинской техники и только затем – на техническое обслуживание такой техники.

Очевидно, что использование заказчиком контракта жизненного цикла позволяет сократить организационные издержки. Речь идет о том, что заказчик вправе провести одну закупку медицинской техники вместо двух конкурентных процедур, объединив в ней поставку, монтаж и последующее техническое обслуживание медицинской техники.

Другой положительной чертой контрактов жизненного цикла выступает нивелирование рисков привлечения антимонопольным органом к административной ответственности должностного лица организации заказчика в связи с утверждением аукционной документации, не соответствующей требованиям законодательства (ч. 4.2 ст. 7.30 Кодекса Российской Федерации

об административных правонарушениях).

Дело в том, что текущая антимонопольная и судебная практика (см., напр., Постановление Арбитражного суда Центрального округа от 05.04.2016 г. № Ф10-724/2016 по делу № А23-3634/2015; Постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 26.04.2016 г. по делу № А53-30697/2015) основана на позиции о недопустимости объединения заказчиками лицензируемых и нелицензируемых видов деятельности в одной закупке. Такие действия отсекают от закупки поставщиков, которые способны поставить заказчику требуемую продукцию, но не имеют лицензии.

Для сферы здравоохранения это означает, что деятельность по поставке медицинской техники не требует от поставщика лицензии, в то время как выполнение работ по ее монтажу, наоборот, выступает лицензируемым видом деятельности (п. 17 ч. 1 ст. 12 Федерального закона от 04.05.2011 г. № 99-ФЗ «О лицензировании отдельных видов деятельности»).

Следовательно, если заказчик не использует контракт жизненного цикла, то, объединяя в одной закупке поставку и монтаж медицинской техники и предусматривая запрет в отношении привлечения поставщиком третьих лиц к его исполнению, заказчик существенно повышает риски привлечения антимонопольным органом его должностного лица к административной ответственности. Напротив, такой риск отсутствует, если закупка медицинской техники будет осуществлена в соответствии с контрактом жизненного цикла.

Риски использования контрактов жизненного цикла вызваны их юридической природой. Поскольку контракт жизненного цикла всегда

предполагает наличие обязанности лица не только по поставке продукции, но и по ее последующему обслуживанию, то такие контракты, как правило, носят долгосрочный характер. Следовательно, в течение длительного периода поставщики, имеющие необходимую заказчику медицинскую технику, могут оказаться без рынка сбыта. Это, в свою очередь, может оказывать негативное влияние на уровень конкуренции в отдельных отраслях экономики, связанных со сферой здравоохранения.

Контракты под ключ

С 2020 г. законодатель допустил возможность заключения заказчиками контрактов на проектирование, инженерные изыскания и строительство в отношении объектов капитального строительства по итогам одной закупки, если такой объект капитального строительства включен Правительством, высшим исполнительным органом государственной власти субъекта Федерации или местной администрацией в соответствующий перечень (ч. 55–63 ст. 112 закона № 44-ФЗ).

В случае наличия объекта капитального строительства в таком перечне заказчику не требуется проходить длительную процедуру технологического аудита, предусмотренную Правительством (Постановление Правительства РФ от 12.05.2017 г. № 563 «О порядке и об основаниях заключения контрактов, предметом которых является одновременно выполнение работ по проектированию, строительству и вводу в эксплуатацию объектов капитального строительства, и о внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации» (вместе с «Правилами заключения контрактов, предметом которых является одновременно выполнение работ по проектированию,

строительству и вводу в эксплуатацию объектов капитального строительства», «Положением о проведении технологического и ценового аудита обоснования инвестиций, осуществляемых в инвестиционные проекты по созданию объектов капитального строительства, в отношении которых планируется заключение контрактов, предметом которых является одновременно выполнение работ по проектированию, строительству и вводу в эксплуатацию объектов капитального строительства»). Одновременно с указанными изменениями закон № 44-ФЗ впервые допустил возможность объединения заказчиками в одной закупке не только проектирования, инженерных изысканий и строительства, но и поставки медицинского оборудования.

С 01.04.2020 г. законодатель отказался от ограничения в отношении возможности заказчика объединить в одной закупке выполнение работ и поставку только в отношении медицинского оборудования и согласился допустить такую возможность для любого оборудования не только в сфере здравоохранения (Федеральный закон от 01.04.2020 г. № 98-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций»).

Вместе с тем допускаемая Законом о контрактной системе возможность проведения заказчиком закупки, предполагающей выполнение подрядчиком работ и поставку оборудования, не может использоваться заказчиками без учета требований антимонопольного законодательства.

Так, в силу ч. 3 ст. 17 Федерального закона от 26.06.2006 г. № 135-ФЗ «О защите конкуренции» (далее – Закон о защите конкуренции, закон № 135-ФЗ) при

формировании заказчиком лота не допускается включение в состав такого лота продукции, технологически и функционально не связанной между собой. Это означает, что заказчик, объединяя в одной закупке выполнение работ и поставку оборудования, должен учитывать наличие между таким оборудованием и выполняемыми работами технологической и функциональной связи.

Анализ антимонопольной (см., напр., решение ФАС России от 08.06.2016 г. по делу № К-911/16; постановление ФАС России от 09.07.2015 г. по делу № 17/35143/15; решение ФАС России от 28.10.2014 г. по делу № К-1544/14) и судебной практики (см., напр. пункт 3 Обзора судебной практики применения законодательства Российской Федерации о контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд, утв. Президиумом Верховного Суда РФ 28.06.2017) применения ч. 3 ст. 17 Закона о защите конкуренции показывает, что критерий функциональной связи должен показывать наличие общей цели у объединяемых заказчиком товаров и работ.

В отношении признака технологической связи необходимо отметить, что такая связь означает неразрывную взаимосвязь продукции, которую необходимо закупать в комплексе, сразу одной закупкой, не разделяя по отдельным процедурам ввиду объективно существующей невозможности взаимодействия таких товаров впоследствии вместе, если их закупать по отдельности.

Например, при осуществлении закупки на строительство объекта капитального строительства – учреждения здравоохранения – проектная документация может предусматривать перечень медицинского оборудования, поставка и монтаж которого должны осуществляться

одновременно с процессом строительства.

Правила формирования лотов при осуществлении заказчиками закупок медицинских изделий

Впервые с 2018 г. Правительство воспользовалось правом определения порядка формирования заказчи-

В отношении признака технологической связи необходимо отметить, что такая связь означает неразрывную взаимосвязь продукции, которую необходимо закупать в комплексе, сразу одной закупкой, не разделяя по отдельным процедурам ввиду объективно существующей невозможности взаимодействия таких товаров впоследствии вместе, если их закупать по отдельности

ками лотов, предусмотренным Законом о контрактной системе (п. 2 ч. 29 ст. 34 закона № 44-ФЗ), установив правила формирования заказчиками лотов в отношении закупки медицинских изделий (Постановление Правительства РФ от 19.04.2021 г. № 620 «О требовании к формированию лотов при осуществлении закупок медицинских изделий, являющихся объектом закупки для обеспечения государственных и муниципальных нужд»).

С 01.07.2021 г. заказчики не смогут закупать медицинские изделия различных видов в соответствии с номенклатурной классификацией, предусмотренной

Министерством здравоохранения РФ (Приказ Минздрава России от 06.06.2012 г. № 4н «Об утверждении номенклатурной классификации медицинских изделий» (вместе с «Номенклатурной классификацией медицинских изделий по видам», «Номенклатурной классификацией медицинских изделий по классам в зависимости от потенциального риска их применения»), в одной закупке. Например, заказчик не сможет объединить в одной закупке приобретение стоматологических медицинских изделий (бормашины, стоматологические кресла, наборы хирургические) и вспомогательных медицинских изделий (бахил, лабораторных камер, медицинской мебели).

Логика такого ограничения заключается в привязке возможности проведения заказчиками смешанных закупок к показателю начальной (максимальной) цены контракта и объемам финансового обеспечения, предусмотренным заказчику для цели закупки медицинских изделий в предшествующем году: чем выше объем такого финансового обеспечения, тем выше показатель начальной (максимальной) цены контракта, при превышении которого заказчики должны проводить монолотовые закупки медицинских изделий.

Так, для заказчиков с объемом финансового обеспечения менее 50 млн руб. показатель НМЦК, при превышении которого будет требоваться соблюдение монолотовой закупки, составляет 600 тыс. руб.; для заказчиков с объемом денежных средств на такие же цели от 50 до 100 млн руб. показатель НМЦК установлен в размере 1 млн руб. Наконец, для крупных заказчиков с объемом финансового обеспечения свыше 100 млн руб. НМЦК составляет 1,5 млн руб. Исключение составляют контракты жизненного цикла

и закупки медицинских изделий вместе с расходными материалами.

Очевидно, что в подавляющем большинстве случаев анализируемые нововведения будут распространяться на закупки муниципальных бюджетных учреждений здравоохранения, которые будут вынуждены проводить отдельные конкурентные процедуры закупки медицинских изделий по принципу «одна закупка – один вид медицинского изделия».

Это существенно усложнит закупки таких учреждений и приведет к увеличению нагрузки на контрактных управляющих, которые столкнутся с необходимостью администрирования увеличивающегося количества контрактов, заключенных по итогам растущего количества закупочных процедур.

Закупки у единственного поставщика

С 01.04.2021 г. заказчики вправе проводить закупки товаров до 3 млн руб. у единственного поставщика в электронной форме на электронных площадках, соответствующих требованиям законодательства РФ о контрактной системе [Тасалов 2021: 27–33] (ч. 12 ст. 93 закона № 44-ФЗ).

Однако сфера применения заказчиками указанной процедуры закупки оказалась ограниченной только товарами, описание которых содержит каталог товаров, работ, услуг, размещенный в единой информационной системе в сфере закупок (подпункт «а» п. 1 ч. 12 ст. 93 закона № 44-ФЗ).

Несмотря на то, что порядок осуществления заказчиками закупок лекарственных средств отличается подробным нормативным регулированием, начиная с порядка обоснования заказчиком НМЦК (см. Приказ Минздрава России от 19.12.2019 г. № 1064н «Об утверждении Порядка

определения начальной (максимальной) цены контракта, цены контракта, заключаемого с единственным поставщиком (подрядчиком, исполнителем), начальной цены единицы товара, работы, услуги при осуществлении закупок лекарственных препаратов для медицинского применения» (Зарегистрировано в Минюсте России 20.12.2019 г. № 56926) и заканчивая типовым контрактом на поставку лекарственных средств (см. Приказ Минздрава России от 18.01.2021 г. № 15н «Об утверждении типового контракта на поставку лекарственных препаратов для медицинского применения и информационной карты Типового контракта на поставку лекарственных препаратов для медицинского применения и информационной карты Типового контракта на поставку лекарственных препаратов для медицинского применения» (Зарегистрировано в Минюсте России 23.03.2021 г. № 62845), заказчики оказались лишены возможности закупки лекарственных средств у единственного поставщика до 3 млн руб.

Причиной возникшей проблемы оказалось то, что структура Единого структурированного справочника-каталога лекарственных средств (ЕСКЛС) отличается от структуры каталога товаров, работ, услуг в единой информационной системе. Иными словами, в настоящее время не обеспечена возможность передать полные сведения о лекарственных средствах из ЕСКЛС в каталог.

Вместе с тем заказчики вправе проводить закупки лекарственных средств у единственного поставщика по другим основаниям, установленным законом № 44-ФЗ.

Речь идет о закупке лекарств, предназначенных пациенту при наличии медицинских показаний, на сумму, не превышающую 1 млн руб. (п. 28 ч. 1 ст. 93 Закона № 44-ФЗ). Закон № 44-ФЗ также предоставляет возможность заказчикам приобретения лекарственных препаратов на сумму,

не превышающую 600 тыс. руб. (п. 4, 5 ч. 1 ст. 93 закона № 44-ФЗ).

После введения законодателем новой процедуры закупки товара в электронной форме возникла конкуренция между указанным способом и закупками у единственного поставщика до 600 тыс. руб. (см. Таблицу № 1). Сопоставление порядка проведения таких закупок делает очевидным вывод о преимуществе осуществления заказчиком закупок, предусмотренных п. 4, 5 ч. 1 ст. 93 закона № 44-ФЗ, а не новым регламентом, установленным в ч. 12 ст. 93 закона № 44-ФЗ.

В период пандемии коронавируса особую актуальность приобрели закупки у единственного поставщика на основании режима повышенной готовности и обстоятельств непреодолимой силы, к которым Минфин России, ФАС России, МЧС России отнесли распространение коронавирусной инфекции (п. 9 ч. 1 ст. 93 закона № 44-ФЗ) (см. Письмо Минфина России, МЧС России и Федеральной антимонопольной службы от 03.04.2020 г. №№ 24-06-05/26578, 219-АГ-70, МЕ/28039/20 «О позиции Минфина России, МЧС России, ФАС России об осуществлении закупок товара, работы, услуги для обеспечения государственных и муниципальных нужд в связи с распространением новой коронавирусной инфекции, вызванной 2019-nCoV»).

Разъяснения ФАС России в этом вопросе сводятся к тому, что заказчики вправе осуществлять закупки продукции в связи с коронавирусной инфекцией на основании п. 9 ч. 1 ст. 93 Закона № 44-ФЗ, которая необходима для преодоления обстоятельств, вызванных распространением новой коронавирусной инфекции, т.е. требуется наличие причинно-следственной связи между предметом закупки и противодействием распространению новой коронавирусной инфекции (см.

письмо ФАС России от 18.03.2020 г. № ИА/21684/20).

Иными словами, заказчики вправе осуществлять закупки масок, антисептиков, других товаров, закупка которых продиктована необходимостью противодействия новой коронавирусной инфекции.

Напротив, заказчик не вправе проводить закупки в соответствии с п. 9 ч. 1 ст. 93 закона № 44-ФЗ в связи с распространением новой коронавирусной инфекции, например, на выполнение капитального ремонта учреждения здравоохранения.

Конкурентные процедуры закупки

Возможность осуществления заказчиком закупки лекарственных средств, медицинских изделий, медицинского оборудования существует при проведении запроса котировок в электронной форме (ст. 82.1 Закона о контрактной системе).

С 01.04.2021 г. законодатель ввел в действие новый порядок проведения заказчиками запроса котировок в электронной форме. Среди нововведений – увеличение порогового значения НМЦК при проведении запроса котировок в электронной форме до 3 млн руб. вместо ранее действовавшего порога в 500 тыс. руб. (ч. 2 ст. 82.1 закона № 44-ФЗ). Поскольку закон № 44-ФЗ в отношении запроса котировок не содержит каких-либо ограничений в отношении товаров, работ или услуг, то заказчики вправе приобретать в рамках такой процедуры закупки необходимые лекарственные средства, медицинские изделия и медицинское оборудование.

Среди ключевых проблем, с которыми столкнулись заказчики в сфере здравоохранения при проведении запроса котировок в электронной форме, необходимо отметить минимальные сроки, отведенные

законодателем для заключения сторонами контракта по итогам такой процедуры, а также запрет в отношении использования заказчиком и участником закупки протокола разногласий.

Так, заказчик обязан направить лицу, с которым заключается контракт по итогам запроса котировок

Вместе с тем многие заказчики работают в региональных информационных системах в сфере закупок, которые должны обеспечивать своевременную интеграцию с единой информационной системой, т. е. передать направленный заказчиком в региональной информационной системе протокол итогов в единую информационную систему

в электронной форме, проект контракта не позднее трех часов после опубликования протокола итогов (п. 1 ч. 13 ст. 82.1 закона № 44-ФЗ).

Вместе с тем многие заказчики работают в региональных информационных системах в сфере закупок, которые должны обеспечивать своевременную интеграцию с единой информационной системой, т. е. передать направленный заказчиком в региональной информационной системе протокол итогов в единую информационную систему.

Практика закупок показывает, что далеко не всегда существует бесперебойная интеграция между региональными информационными

системами и единой информационной системой в сфере закупок. Это означает, что три часа, предусмотренные законом № 44-ФЗ для направления заказчиком проекта контракта победителю запроса котировок в электронной форме, зависят от своевременности интеграции между региональной информационной системой в сфере закупок и единой информационной системой.

Таким образом, исчисление сроков регламентированных действий сторон на этапе заключения контракта в электронной форме по итогам запроса котировок в электронной форме в часах, впервые введенное законодателем в законодательство о контрактной системе, создает избыточную нагрузку на должностных лиц организации заказчика, поскольку исчисление срока в часах не учитывает проблемы интеграции между региональными информационными системами и единой информационной системой в сфере закупок. Представляется, что в таких случаях подлежит применению правило абзаца 2 п. 1 ст. 194 ГК РФ о том, что срок истекает в последний час осуществления операций в организации заказчика.

Запрет в отношении использования сторонами протокола разногласий при заключении контракта по итогам запроса котировок в электронной форме, продиктованный необходимостью ускорения сроков проведения конкурентных процедур закупки, приводит к негативным последствиям. Во-первых, отсутствие протокола разногласий делает невозможным устранение ошибок, допущенных заказчиком и участником запроса котировок в проекте контракта.

Во-вторых, нередко стороны использовали протокол разногласий для того, чтобы у поставщика появилось дополнительное время, необходимое для получения обеспечения

исполнения контракта в форме банковской гарантии. Теперь такой возможности у победителей запроса котировок в электронной форме не будет, что повышает риски прежде всего субъектов малого предпринимательства оказаться в реестре недобросовестных поставщиков в связи с непредставлением заказчику обеспечения исполнения контракта.

Выводы

Расширение случаев заключения заказчиками контрактов жизненного цикла, возможность осуществления закупки необходимых товаров у единственного поставщика, необходимых для противодействия

распространению новой коронавирусной инфекции, а также приобретения необходимого медицинского оборудования вместе с процессом строительства свидетельствуют о постепенном ослаблении роли защиты конкуренции при проведении заказчиками закупок в сфере здравоохранения.

Очевидно, что необходимость наличия правовых гарантий обеспечения охраны здоровья граждан в период пандемии коронавируса способствовала тому, что законодатель и Правительство сознательно пошли на указанные меры, несмотря на их возможное негативное влияние на состояние конкуренции на отдельных товарных рынках,

обеспечивающих необходимой продукцией государственную и муниципальную систему здравоохранения.

Вместе с тем новые правила формирования заказчиками лотов при проведении закупки медицинских изделий, несбалансированное нормативное регулирование новых способов закупки у единственного поставщика и конкурентных процедур в сфере здравоохранения свидетельствуют о том, что цель обеспечения баланса между законодательством в сфере охраны здоровья граждан и антимонопольным законодательством в части требований к порядку проведения закупок еще не достигнута. **■**

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Белых В.С., Герасимов О.А. Категория «жизненный цикл продукции» в понятийном аппарате науки предпринимательского (хозяйственного) права // Механизм правового регулирования. История и современность. – Екатеринбург, 2019. – С. 45–59.
2. Свининых Е.А. Государственный контракт как средство регулирования долгосрочных отношений в сфере

- государственного оборонного заказа // Право в Вооруженных Силах – Военно-правовое обозрение. 2013. – № 9. – С. 111–118.
3. Тасалов Ф.А. Электронный аукцион у единственного поставщика: волшебство цифровизации в сфере закупок // Госзаказ. Управление. Размещение. Обеспечение. 2021. – № 63. – С. 27–33.

Транспортный кодекс Российской Федерации – «научный экстремизм» или закономерное требование развития правового регулирования?

Бажина М.А., к. ю. н., доцент кафедры предпринимательского права УрГЮУ

Аннотация:

В статье рассматривается основополагающий вопрос транспортного права – направление развития транспортного законодательства. Автор раскрывает основные подходы ученых по систематизации транспортного законодательства. В статье аргументируется позиция о необходимости систематизации транспортного законодательства в виде принятия единого кодифицированного акта – Транспортного кодекса РФ.

Ключевые слова:

Транспортный кодекс РФ, систематизация, кодификация, транспортное законодательство.

Мария БАЖИНА

На протяжении уже длительного времени вопрос о кодификации права является одним из остро обсуждаемых в научной среде. Связано это с тем, что ученые неоднозначно оценивают необходимость принятия единых кодифицированных актов в различных сферах. Особенно актуальным данное обсуждение видится в отношении транспортного законодательства, регулирующего транспортную деятельность, которая по праву является одной из основополагающих для государства и общества в целом, т. к. обеспечивает

функционирование различных отраслей экономики.

Среди представителей научного сообщества в целом сложилось два диаметрально противоположных подхода. Первая позиция сводится к тому, что кодификация представляется не просто закономерным процессом развития транспортного законодательства, а в настоящее время необходима современному транспортному праву¹. Такой подход обусловлен тем, что требуется гармонизация транспортного законодательства. Следует совершенствовать транспортное законодательство путем кодификации как самой совершенной формы систематизации законодательства, обеспечивающей оптимальное внутреннее единство, согласованность и полноту правового регулирования данного вида общественных отношений².

Однако есть и те ученые, которые не разделяют энтузиазм в отношении кодификации транспортного законодательства³. Суммируя аргументацию сторонников этой точки зрения, большинство ее представителей убеждено в том, что каждый вид транспорта имеет свою специфику, определяемую

техникой и экономикой его эксплуатации, не поддающуюся унификации и требующую отдельной регламентации. Кроме того, кодификация транспортного законодательства путем перемещения норм из транспортных уставов и кодексов в отдельный кодифицированный акт не позволит решить те вопросы, которые в настоящее время стоят перед законодателем в рамках регулирования транспортной деятельности. Это своего рода «бесполезный труд» и «нерациональный расход бюджетных средств».

Вопрос о необходимости кодификации транспортного законодательства на протяжении не одного десятка лет был предметом не только обсуждений. Были предприняты попытки практического воплощения издания единого кодифицированного акта. Так, в советский период времени был разработан проект Единого транспортного кодекса РФ, который так и не был принят⁴. На современном этапе в 2007 г. в рамках проекта «Исследование направлений фундаментального развития транспортных уставов и кодексов РФ, разработка принципов и предложений по совершенствованию

указанных нормативных актов путем подготовки Единого транспортного кодекса РФ», выполненного кафедрой предпринимательского права УрГЮУ под руководством В.С. Белых, до сих пор не разрешен⁵.

Отсутствие однозначного подхода в отношении решения вопроса о необходимости кодификации транспортного законодательства обуславливает целесообразность обратиться пристальное внимание к вопросам, связанным с состоянием современного транспортного законодательного массива.

Во-первых, «правовая инфляция»⁶ в сфере транспортного законодательства достигла критических показаний. На сегодняшний день принят огромный массив нормативных правовых актов в сфере транспортной деятельности. В настоящий момент можно говорить лишь о некоторой совокупности нормативного массива, расположенного с учетом принятой в теории права иерархии. Однако в настоящее время разросшийся пласт транспортного законодательства не представляет из себя системы, т. е. некоторой совокупности нормативных правовых актов, которая бы отличалась своей внутренней гармоничностью, последовательностью, согласованностью, единообразием используемых понятий. Действующее транспортное законодательство характеризуется *противоречивостью* (к примеру, уже достаточно давно существующая коллизия норм, закрепленных в ст. 796 ГК РФ и ч. 2 ст. 118 УЖТ РФ), *дублированием норм* (положения транспортных и кодексов частично повторяются в подзаконных нормативных правовых актах), *фрагментарностью* (например, отдельные положения, касающиеся погрузки, приемки грузов, исчисления сроков регламентированы не во всех транспортных уставах и кодексах), *разрозненностью* (положения об исчислении срока исковой

давности различным образом исчисляются в транспортных уставах и кодексах, отсутствует единообразный подход в применении понятий и их дефиниций⁷). Тем самым отсутствует единство нормативных правовых актов, имеющих общий предмет правового регулирования, принципы и характеризующееся единством понятийного аппарата.

Во-вторых, происходит постепенная модернизация существующего нормативно-правового пласта. Так, в сфере железнодорожных перевозок были упразднены ряд актов МПС РФ и приняты новые документы, изданные Министерством транспорта РФ. Так, например, Правила исчисления сроков доставки грузов, порожних грузовых вагонов железнодорожным транспортом, утвержденные приказом Минтранса РФ от 7.08.2015 г. № 245, заменили Правила исчисления сроков доставки грузов железнодорожным транспортом, утвержденные Приказом МПС РФ от 18.06.2003 г. № 27. При этом с содержательной точки зрения данные акты значительно отличаются друг от друга. Тем самым в данном случае произошла механическая замена одного акта на другой. В автомобильном законодательстве также наблюдается постепенное обновление законодательства. Так, ранее действовавшие Правила перевозки грузов автомобильным транспортом, утвержденные Постановлением Правительства РФ от 15 апреля 2011 г. № 272, были заменены на Правила перевозок грузов автомобильным транспортом и внесением изменений в пункт 2.1.1 Правил дорожного движения РФ, утвержденные Постановлением Правительства РФ от 21 декабря 2020 г. № 2200⁸. Изменения в значительной степени коснулись документооборота, который в соответствии с Правилами перевозок грузов автомобильным транспортом

2020 г. должен быть в электронной форме. Примечательным является то, что данные правила имеют ограниченный срок действия, а именно: до 1.01.2027 г. Ограничение срока действия документов представляется некоторой новой тенденцией для транспортной сферы, что может быть объяснимо необходимостью дальнейшего совершенствования законодательства.

Однако, исходя из анализа принятых за последнее время нормативных правовых актов, регулирующих транспортную деятельность, можно говорить о том, что отсутствует единая для всех видов транспорта стратегия по совершенствованию. Но такой подход противоречит тем началам, которые закреплены в Транспортной стратегии РФ на период до 2030 г., утвержденной Распоряжением Правительства РФ от 22.11.2018 г. № 1734-р. В данном программном документе речь идет об унификации транспортного законодательства на национальном и международном уровнях.

В-третьих, назрела необходимость унификации правового регулирования отношений, связанных с деятельностью всех видов транспорта. Многие отправители и получатели грузов пользуются услугами всех видов транспорта и испытывают большие затруднения в работе вследствие несогласованности транспортных уставов и кодексов. В большей степени эти неудобства обусловлены тем, что разночтения увеличивают сроки доставки грузов. Тем самым возникает некоторый диссонанс между требованиями ускорения современного грузооборота и существующим механизмом осуществления перевозочного процесса.

Одним из правовых способов сокращения сроков является приведение к единому знаменателю законодательства с целью развития

смешанных перевозок, а именно: интермодальных перевозок, в рамках которых происходит лишь перегрузка контейнера с грузом с одного транспортного средства на другое в специально оборудованных центрах, а также создания единого транспортного пространства, отвечающего требованиям цифровизации экономики. Так, например, единые правила осуществления перевозок разными видами транспорта позволили избежать сложностей с переоформлением документов, что в значительной степени бы снизило временные затраты. При этом с юридической точки зрения существуют все основания для проведения унификации правового регулирования транспортной деятельности. Законодательство, посвященное перевозочному процессу, осуществляемому разными видами транспорта, имеет общие черты, что отмечалось еще и в советский период времени⁹. В связи с этим возникает необходимость согласовать действующее законодательство в этой сфере и разработать основные положения по регулированию транспортной деятельности разными видами транспорта на основе общих принципов и однотипных подходов.

Кроме того, унификация транспортного законодательства на национальном уровне позволит интегрировать российское законодательство с международным. Такой процесс является крайне важным для повышения конкурентоспособности отечественных перевозчиков на международном рынке транспортных услуг.

Итак, сказанное свидетельствует о том, что объективно происходит сближение различных видов транспорта путем организации единого транспортного пространства. Создание единой транспортной сети требует рационализации транспортных связей путем их координации с помощью создания единого правового регулирования. Существующая в настоящее время раздельная регламентация не может быть основой для дальнейшего развития транспортного законодательства, т. к. это противоречит тенденциям унификации, наметившимся не только на национальном уровне, но и в целом во всем мире.

Прошедший период времени явно показал, что бездействие в сфере совершенствования транспортного законодательства ведет к его болезненному состоянию, «засорению»,

появлению огромного количества ведомственных актов. При этом большое количество нормативных актов в какой-либо сфере, в т. ч. и в транспортной, не является признаком успешности правового регулирования. По меткому высказыванию Вольтера, «многочисленность законов в государстве есть то же, что большое число лекарей: признак болезни и бессилия».

Думается, что на сегодняшний день назрела необходимость перестройки существующего транспортного законодательства. Представляется целесообразным издание специфического единого нормативного правового акта – Транспортного кодекса РФ, который был бы разработан на основе принципов единообразия, согласованности и системности. Такой подход будет являться первым шагом для того, чтобы разобрать нынешний огромный склад нормативных правовых актов, оставленных в бессистемном, хаотичном состоянии. Тем самым принятие Транспортного кодекса РФ не относится к «научному экстремизму», а обусловлено реалиями поэтапного развития транспортного законодательства. **Е**

¹ Землин А.И. Актуальные проблемы систематизации и кодификации транспортного законодательства Российской Федерации (Москва, Юридический институт МИИТ, 22 ноября 2017 г).

² Корякин В.М. Кодификация транспортного законодательства // Транспортное право и безопасность. 2017. 2 (14). – С. 7–22.

³ Например, Егиазаров В.А. Развитие транспортного законодательства в СССР // Проблемы совершенствования советского законодательства: Труды / Министерство юстиции СССР; Всесоюзный научно-исследовательский институт советского законодательства. – М. 1983. – Выпуск 25. – С. 55–65; Мороз С.П. Проблемы совершенствования транспортного законодательства в Республике Казахстан // Бизнес, менеджмент и право. 2008. – № 1 (16). – С. 32–37.

⁴ Садиков О.Н. Обсуждение проекта Транспортного кодекса СССР // Ученые записки. Всесоюзный научно-исследовательский институт советского законодательства. – М., 1966. – Выпуск 9. – С. 207–216.

⁵ Белых В.С. Транспортное законодательство России и зарубежных государств. ЕС, ШОС, ЕврАзЭС (сравнительно-правовой анализ): учеб.-практич. пособие. – М.: Проспект. 2009. – С. 3.

⁶ Матузов Н.И. Актуальные проблемы теории права. – Саратов. 2004. – С. 109, 206.

⁷ Бажина М.А. Понятие «транспортное средство» в транспортном праве // Транспортное право. 2017. – № 1. – С. 10–13.

⁸ Официальный интернет-портал правовой информации <http://pravo.gov.ru>, 23.12.2020. Далее – Правила перевозок грузов автомобильным транспортом 2020 г.

⁹ Тарасов М.А. Основные проблемы транспортного права // Методические материалы / Всесоюзный юридический заочный институт. – М., 1948. – Выпуск 2. – С. 38.

Юридические и технические нормы законодательства о мощности в энергетике

Шафур А. М., к. ю. н.

Аннотация:

В законодательстве не разделяются понятия мощность электрической энергии (энергии) и мощность генерирующих устройств (генерирующая мощность). Кроме того, при анализе указанного понятия не учитывается имеющаяся взаимосвязь и взаимодействие юридических и технических норм в процессе законодательного регулирования мощности, обуславливающее технико-юридический характер этого законодательства.

Имеющаяся в литературе характеристика мощности как самостоятельного товара приводит к ее отрыву от главной цели договорного обязательства сторон, предметом которого является обязанность энергоснабжающей организации подавать абоненту энергию через присоединенную сеть. Но и характеристика мощности как не более чем количественного или качественного показателя энергии не может быть принята, ибо выводит это понятие за пределы правоотношений по энергоснабжению.

В отношениях, построенных по модели энергоснабжения, мощность как экономико-правовое понятие – это осуществляемая любой (не только передающей электрическую и тепловую энергию) снабжающей по присоединенной сети организацией технико-технологическая и иная деятельность по поддержанию оборудования (генерирующих устройств при энергоснабжении) в состоянии, обеспечивающем выработку и передачу в пользование потребителю ресурсов в обусловленном договором с потребителем количестве и качестве.

Мощность в энергетике как объект технико-юридической регламентации можно определить как установленные компетентными органами специальные юридические правила, посредством которых устанавливаются технические характеристики оборудования, соблюдение которых позволяет обеспечить готовность генерирующего оборудования снабжающей организации к выработке энергии предусмотренного договором количества и качества, а также технические характеристики мощности передаваемой энергии.

Ключевые слова:

энергоснабжение, мощность электрической энергии, мощность генерирующих устройств, юридические и технические нормы законодательства о мощности

В юридической литературе вопрос о понятии и правовой природе мощности в энергетике вызывает серьезные дискуссии. Во многом это связано с тем, что и в литературе, и в законодательстве не разделяются понятия «мощность электрической энергии» (энергия) и «мощность генерирующих устройств» (генерирующая мощность). Кроме того, при анализе указанного понятия не учитывается имеющаяся взаимосвязь и взаимодействие юридических и технических норм в процессе законодательного регулирования мощности, обуславливающее технико-юридический характер этого законодательства. К регламентирующему мощность в энергоснабжении законодательству применимо

высказанное В.С. Белых применительно к гражданско-правовому обеспечению качества продукции, работ и услуг мнение, что технико-юридические нормы возникли благодаря сочетанию технических и юридических норм в процессе регулирования общественных отношений, складывающихся по поводу естественных и искусственных объектов. Это обусловило технико-юридический характер указанного законодательства, ибо большинство входящих в него норм являются по своей природе юридическими нормами с техническим содержанием¹.

В федеральных законах, регламентирующих энергетическую сферу, на что обращалось внимание в литературе, упоминания

об энергии и мощности, как правило, сводятся к двум вариантам: в первом предполагается синонимичность этих категорий, во втором данные понятия разделяются как имеющие самостоятельное значение².

В ФЗ от 14.04.1995 года № 41-ФЗ «О государственном регулировании тарифов на электрическую и тепловую энергию в Российской Федерации»³, где в редакции от 26.03.2003 № 38-ФЗ практически впервые появилось упоминание о мощности, она не рассматривалась в качестве самостоятельного объекта оборота, поскольку оплачивалась одновременно с электроэнергией по двуставочному тарифу. Применение этих тарифов означало, что абонент оплачивал по фиксированной ставке

величину присоединенной мощности (кВА или кВт) и дополнительно оплачивал количество потребленной энергии (кВт•ч). Тариф на электроэнергию включался в двухставочный тариф как переменные затраты, а тариф на мощность как условно-постоянные затраты потребителя.

В то же время в Федеральном законе от 04.11.2007 г. № 250-ФЗ⁴ и в утвержденных Постановлением Правительства Российской Федерации от 27.12.2010 г. № 1172 «Правилах оптового рынка электрической энергии и мощности» (далее – Правила ОРЭМ)⁵ проявился иной подход, в соответствии с которым мощность реализуется на рынке как самостоятельный товар наряду с энергией. Согласно п. 36 Правил ОРЭМ, «в целях обеспечения надежной и бесперебойной поставки электрической энергии на оптовом рынке осуществляется торговля генерирующей мощностью (далее – мощность) – особым товаром, покупка которого предоставляет участнику оптового рынка право требования обеспечения готовности генерирующего оборудования к выработке электрической энергии установленного качества в количестве, необходимом для удовлетворения потребности в электрической энергии данного участника». Согласно п. 42 Правил ОРЭМ, мощность – это «особый товар, продажа которого влечет возникновение у участника оптового рынка обязательства по поддержанию принадлежащего ему на праве собственности или на ином законном основании генерирующего оборудования в состоянии готовности к выработке электрической энергии, в том числе путем проведения необходимых для этого ремонтов генерирующего оборудования, и возникновение соответствующего указанному обязательству у иных участников оптового рынка права требовать его

надлежащего исполнения в соответствии с условиями заключенных договоров купли-продажи (поставки) мощности»⁶.

Данную позицию законодателя можно признать достаточно точно отражающей экономическую сущность понятия мощности как деятельности энергоснабжающей организации по поддержанию мощности генерирующего оборудования, обеспечивающей получение потребителем энергии определенного количества и качества. В то же время содержащаяся в законодательстве правовую квалификацию складывающихся между снабжающей организацией и потребителем отношений в качестве договоров купли-продажи мощности считаем ошибочной, не соответствующей характеру опосредствуемых договорами на энергообеспечение правоотношений.

Экономико-правовое понятие мощности

В литературе по вопросу об экономической и правовой сущности понятия мощности существуют различные точки зрения. Авторы, не признающие мощность самостоятельным товаром, мотивируют это тем, что она представляет собой лишь количественный показатель электроэнергии. А.Н. Лысенко считает, что сама по себе мощность не может представлять ничего, кроме количественного показателя электроэнергии⁷. С. Стофт пишет, что «мощность – это интенсивность потока электроэнергии»⁸. Аналогично рассуждает и С.А. Свирков, отмечающий, что мощность не является самостоятельным товаром, поскольку представляет собой количественный параметр другого товара – энергии⁹.

В то же время правоведы, считающие мощность отдельным товаром, выдвигают разные причины и основания для такого подхода

и, соответственно, дают различную правовую квалификацию этого явления. По мнению П.Г. Лахно и В.Ф. Яковлева, сама формулировка закона дает основание считать мощность особым товаром и предметом обращения на оптовом рынке, в качестве которого они признают электрическую мощность вырабатывающих электрическую энергию агрегатов, т.е. определяемую условиями эксплуатации их способность производить те или иные объемы электрической энергии¹⁰. Л. Лапач мощность наряду с энергией в равной степени рассматривает в качестве товара на оптовом рынке электроэнергии, причем под мощностью понимает определенный договором ресурс энергопотребления в течение установленного периода времени¹¹.

Многие авторы квалифицируют мощность как деятельность поставщика энергии по обеспечению готовности генерирующего оборудования (агрегатов) к выработке электроэнергии установленных количества и качества, а плату за мощность – как механизм компенсации затрат, связанных с поддержанием генерирующего оборудования энергоснабжающей организацией в работоспособном состоянии даже тогда, когда электрическая энергия этими агрегатами не вырабатывается и никаких платежей за нее производителю не поступает¹². При этом большинство сторонников этой позиции вслед за законодателем квалифицируют складывающиеся правоотношения сторон как договор купли-продажи мощности¹³.

Имеются, однако, и авторы, которые приравнивают систему компенсации затрат энергоснабжающей организации по поддержанию необходимой мощности к отчислению в общепольные для отрасли цели, близкое к целевым налоговым платежам (парафискалитет)¹⁴.

Наконец, есть группы исследователей, одна из которых деятельность снабжающей организации по поддержанию мощности генерирующих устройств относит к числу услуг¹⁵, а другая придерживается мнения о вещном характере этой деятельности, предлагая заключать «договор об установлении вещного обременения генерирующих мощностей, налагающих на владельцев станций обязанность содержания оборудования в порядке и в состоянии постоянной готовности к эксплуатации»¹⁶. К сторонникам последней позиции можно отнести и Б.М. Сейнарова, считающего, что плата за электрическую мощность является платой за ее абонирование и возможность в любой момент времени использовать величину заявленной мощности¹⁷. Абонирование в указанном понимании является, по сути дела, вещным обременением, накладываемым на энергоснабжающую организацию. Как пишет автор, в случае недоиспользования договорной величины электрической мощности оплата производится потребителем за всю предусмотренную договором величину, а не за фактически использованную мощность¹⁸. Таким образом, с одной стороны, потребитель оплачивает всю абонированную им мощность, с другой стороны, вся зарезервированная потребителем мощность поставщика энергии является «обремененной» с момента заключения договора и снабжающая организация не вправе использовать эти мощности для реализации в ущерб другим потребителям.

Представленные выше позиции авторов не позволяют в полной мере раскрыть понятие мощности энергии, ибо каждая из них раскрывает лишь одну сторону этого понятия и не учитывает другую. Дело в том, что характеристика мощности как самостоятельного товара приводит к ее отрыву от главной

цели договорного обязательства сторон, предметом которого является обязанность энергоснабжающей организации подавать абоненту энергию через присоединенную сеть (п. 1 ст. 539 ГК РФ). С другой стороны, мощность передаваемой потребителю энергии безусловно является важной для него как количественной, так и качественной¹⁹ характеристикой получаемой энергии, и неучитывание этого фактора приводит к отрыву понятия мощности от ее атрибута, коим является энергия. Но и характеристика мощности как не более чем количественного или качественного показателя энергии не может быть принята, ибо выводит это понятие за пределы правоотношений по энергоснабжению.

Обязательства по энергоснабжению через присоединенную сеть

Устранить вышеуказанные противоречия позволяет квалификация складывающихся правоотношений как самостоятельного договорного типа – обязательств по энергоснабжению через присоединенную сеть, где мощность является одним из объектов входящих сюда договоров, в том числе договоров на снабжение электрической и тепловой энергией.

В литературе обоснован взгляд, в соответствии с которым правоотношения хозяйствующих субъектов по снабжению через присоединенную сеть электрической и тепловой энергией, а также газом опосредствуют лежащие в их основе специфические экономические отношения, главной особенностью которых является распространение этих отношений на сферу потребления продукции в связи с тем, что они не предусматривают стадию накопления продукции, а время обращения здесь равно нулю²⁰. В развитие этих идей нами же позднее был

сделан вывод, что по модели договоров на энергоснабжение²¹, охватывающих процесс не только передачи, но и потребления энергоресурсов, строятся также и отношения по снабжению через присоединенную сеть нефтью, нефтепродуктами, холодной водой и иными товарами в случаях, когда данные правоотношения опосредствуют экономические отношения, построенные «по модели энергоснабжения»²², т.е. не предусматривающие сколь-нибудь значимую стадию накопления продукции (вода потребляется, нефть сжигается)²³.

Концепция обязательств по СЧПС²⁴ как самостоятельного договорного типа, обособившегося в системе гражданско-правовых обязательств, и включающего в качестве видов договоры на снабжение по присоединенной сети электрической, тепловой энергией, газом, нефтью, нефтепродуктами и холодной водой, позволяет по-новому ответить на вызывающий серьезные дискуссии в юридической литературе вопрос о понятии и правовой природе мощности в энергетике, которая здесь рассматривается как один из объектов правоотношения по СЧПС.

Вопрос о предмете договоров на энергоснабжение через присоединенную сеть в юридической литературе однозначно еще не решен. Во многом это связано с дискуссионностью вопроса об объекте правоотношения, ведь предмет договора это и есть объект, по поводу которого складывается возникающее на основе заключенного договора гражданское правоотношение. Существуют две основные точки зрения на понятие объекта. Первая исходит из того, что объект не является составной частью понятия правоотношения, это то, по поводу чего правоотношения устанавливаются²⁵. Однако данная позиция лишает возможности

ответить на основной вопрос – для чего возникает правоотношение. Права, не имеющие своего объекта, права, которые ни на что не направлены, лишены всякого смысла для носителя этих прав и поэтому не являются правами в действительном значении этого слова. Основой появления «безобъектного» понимания правоотношения его критики видят в том, что в качестве объектов гражданских правоотношений назывались только вещи²⁶.

Более обоснованным представляется господствующий в юридической литературе взгляд на объект правоотношения как на то, на что оно направлено и взаимодействует. В соответствии с ним всякое правоотношение выполняет определенную служебную роль по регулированию лежащих в его основе общественных отношений, явлений, процессов, поэтому безобъектных, т. е. ни на что не направленных правоотношений быть не может²⁷. Как указывает О. М. Родионова, каждый элемент деятельности, отражаемой понятием гражданского правоотношения, выступает в роли его объекта, поскольку объектом гражданского правоотношения является отражаемая им деятельность со всеми элементами. При таком понимании исчезает проблема безобъектных обязательств, поскольку реальная деятельность без объекта не существует²⁸.

Однако среди ученых нет единства мнений о том, что же именно является объектом правоотношения. Ряд авторов стоит на позиции признания единства объекта, относя к таковым, к примеру, только вещи²⁹. Другие авторы признают множественность объектов правоотношений, считая ими вещи, материальные блага, действия людей³⁰. Нам представляется верной точка зрения О. С. Иоффе, определявшего объект правоотношения как то, на что

направлено или воздействует правоотношение. Всякое явление воздействует на какое-либо другое явление своим содержанием. Но у гражданского правоотношения имеется юридическое, идеологическое и материальное содержание. Поэтому оно может быть направлено не только на юридические, но также

**В первую очередь
такой подход
помогает отграничить
обязательства по СЧПС
от наиболее близких им
отношений по поставке
продукции**

на идеологические и материальные объекты. Воля носителя гражданских прав и обязанностей составляет идеологический объект гражданского правоотношения. Юридическим объектом гражданского правоотношения является то поведение обязанного лица, на которое вправе притязать управомоченный. Материальный объект гражданского правоотношения – это тот объект, которым обладает лежащее в его основе и закрепляемое им общественное отношение³¹.

В литературе отмечалось, что определение объекта обязательства как отражения осуществляемой деятельности позволяет найти место

как для цели, необходимой для квалификации отдельных обязательств, так и для результата, с достижением которого они связаны³². В обязательствах по СЧПС проведение четкой границы между различными объектами на каждой из стадий развития возникающих на основе этих обязательств правоотношений имеет важное теоретическое и практическое значение для понимания их предмета.

В первую очередь такой подход помогает отграничить обязательства по СЧПС от наиболее близких им отношений по поставке продукции. Это представляется особенно важным в свете уточненной нами позиции по поводу распространения обязательств по СЧПС на отношения по снабжению через присоединенную сеть не только электрической и тепловой энергией в виде горячей воды и пара, но и газом, нефтью, нефтепродуктами и холодной водой. Дело в том, что энергия и газ, а уж тем более нефть, нефтепродукты и холодная вода могут быть материальным объектом как тех, так и других отношений. Возмездная реализация газа в баллонах, электроэнергии в аккумуляторах и т. д. являются по своей правовой природе отношениями по поставке продукции. То же относится и к отношениям по снабжению нефтью, нефтепродуктами и холодной водой в случаях, когда они не потребляются непосредственно после их передачи потребителям, а складываются последними. Таким образом, между передачей и потреблением этих ресурсов имеется той или иной продолжительности стадия обращения, которая делает снабжение указанными ресурсами не отношениями по снабжению через присоединенную сеть, а отношениями по поставке. И если признать, как это делают многие авторы³³, предметом договоров на энергоснабжение через присоединенную

сеть только материальный объект – электрическую и тепловую энергию, газ, нефть, нефтепродукты, холодную воду, то это приведет к тому, что существенно различные по своему характеру правоотношения будут иметь один и тот же предмет, однако это не так.

Материальный объект договоров на энергоснабжение через присоединенную сеть действительно совпадает с материальным объектом договора поставки: здесь это также энергия, газ, нефть, нефтепродукты и холодная вода. Но юридический и интеллектуальный объекты сравниваемых договоров существенно различаются, ибо в договорах на СЧПС они направлены на деятельность снабжающей организации по обеспечению для получателя возможности потреблять ресурсы. Выражается эта деятельность, как отмечалось, в поддержании (при энергоснабжении) генерирующих устройств в состоянии, обеспечивающем выработку энергии в обусловленном договором с потребителем количестве и качестве и в аналогичных по своей сути действиях снабжающей организации при передаче в пользование других ресурсов. Другими словами, при построении экономико-правовых отношений хозяйствующих субъектов по модели энергоснабжения во всех случаях снабжения ресурсами через присоединенную сеть речь идет об обеспечении снабжающей организацией определенного технико-технологического уровня мощности оборудования для выработки ресурсов в необходимом для потребителя количестве и качестве.

Отсюда в отношениях, построенных по модели энергоснабжения, мощность как экономико-правовое понятие – это осуществляемая любой (не только передающей электрическую и тепловую энергию) снабжающей по присоединенной сети организацией

техничко-технологическая и иная деятельность по поддержанию оборудования (генерирующих устройств при энергоснабжении) в состоянии, обеспечивающем выработку и передачу в пользование потребителю ресурсов в обусловленном договором с потребителем количестве и качестве. Эти отношения являются экономико-правовым опосредованием технико-технологических процессов, имеющих место при снабжении по присоединенной сети ресурсами при их непосредственном потреблении получателем. Таким образом, мощность – это понятие, присущее всем видам договоров на СЧПС, а не только договорам на снабжение электрической и тепловой энергией, как это обычно понимается в юридической литературе.

В силу особенностей процесса передачи ресурсов в обязательствах по СЧПС, фактически совпадающего в пространстве, а в электроэнергетике и во времени, с процессом использования ресурсов и распространением договорных отношений сторон на стадию их использования, мощность в правоотношениях по СЧПС – это деятельность снабжающей организации по обеспечению не только и даже не столько процесса передачи ресурсов (ибо не это главная, конечная цель данного обязательства), сколько их потребления. Применительно к отношениям по газоснабжению в литературе отмечалось, что предметом договора на снабжение газом нельзя считать только газ. Необходимо учитывать деятельность снабжающей организации по снабжению газом, обслуживанию газопровода, а также по обслуживанию потребителя газа. Все эти действия составляют предмет договора, а материальным объектом действий является передаваемый потребителю газ³⁴. Комментируя позицию автора о правовой природе и предмете договоров

на энергоснабжение через присоединенную сеть, В.А. Белов обратил внимание на то, что «при всем внешнем сходстве с традиционными определениями нельзя не увидеть, что в нем содержится такая характеристика правовых форм отношений сетевого снабжения, которая принципиально отличается от классической. Дело не в передаче (подаче, перемещении) сетевого ресурса, а том, чтобы у потребителя (абонента) появилась возможность использования по целевому назначению принадлежащих ему и присоединенных к сети технических устройств»³⁵. Аналогичную, по сути дела, позицию высказал и А.Н. Лысенко, отметивший, что признак присвоенности энергии выражен особым образом – через принадлежность определенным субъектам источников или средств передачи соответствующего вида энергии³⁶.

Мощность как предмет договоров на энергоснабжение

Такой подход к пониманию предмета правоотношений помогает сформулировать понятие мощности применительно к договорам на СЧПС в целом и договорам на снабжение электрической и тепловой энергией в частности. Как уже отмечалось, договоры на СЧПС, как обособившийся в системе гражданско-правовых обязательств самостоятельный договорный тип, опосредствующий специфические экономические отношения, включают в качестве видов договоры на снабжение электрической энергией, тепловой энергией (в виде горячей воды и пара), газом, нефтью, нефтепродуктами и холодной водой. Главной особенностью всех перечисленных договоров является охват обязательственными отношениями сферы потребления ресурсов. Возникающие в результате заключения договоров на СЧПС

правоотношения характеризуются наличием двух основных стадий своего развития, каждая из которых имеет свои объекты.

Первая стадия развития правоотношения по СЧПС имеет идеологический и юридический объекты. Идеологическим объектом является право потребителя требовать от снабжающей организации поддержания надлежащего уровня мощности оборудования по выработке ресурсов и встречная обязанность снабжающей организации по обеспечению такого уровня, а юридическим – осуществление снабжающей организацией деятельности по обеспечению готовности оборудования к выработке и передаче ресурсов в согласованном в договоре с потребителем количестве и качестве.

Вторая стадия правоотношений по СЧПС характеризуется двумя идеологическими, двумя юридическими и одним материальным объектами правоотношения, что обусловлено особым характером передачи по присоединенной сети ресурсов, фактически совпадающей с их использованием. Указанное совпадение процессов передачи и потребления ресурсов носит технико-технологический характер, в то время как содержание экономической деятельности сторон здесь различается, соответственно, различается и правовое опосредование процессов передачи и потребления ресурсов, а также содержание идеологических и юридических объектов правоотношений. В процессе передачи идеологическим объектом является право потребителя получить в своих хозяйственных целях ресурсы и соответствующая обязанность снабжающей организации обеспечить потребителю возможность получения ресурсов в обусловленном договором количестве и качестве, а юридическим – деятельность снабжающей организации по передаче

потребителю ресурсов. В процессе использования идеологическим объектом является право снабжающей организации требовать от потребителя рационального использования полученных ресурсов, а также надлежащей эксплуатации его технических устройств в процессе использования ресурсов и соответ-

**Первая стадия развития
правоотношения по СЧПС
имеет идеологический
и юридический объекты**

ствующие этим правам обязанности потребителя ресурсов; а юридическим – деятельность снабжающей организации по контролю за рациональным использованием ресурсов потребителем и надлежащей эксплуатацией потребителем его технических устройств. Материальным объектом второй стадии правоотношений по СЧПС являются передаваемые снабжающей организацией и используемые потребителем ресурсы – электрическая и тепловая энергия, газ, нефть и нефтепродукты, холодная вода.

Из изложенного выше о стадиях развития правоотношений по СЧПС и их объектах следует, что мощность

энергии является предметом договора на энергоснабжение, а именно, юридическим объектом первой стадии развития правоотношений, возникающих при заключении договоров на снабжение электрической и тепловой энергией.

При снабжении через присоединенную сеть другими, кроме электрической и тепловой энергии, ресурсами, обязательства снабжающей организации по поддержанию именно «мощности» нет, ибо это понятие используют и в законодательстве, и в литературе только по отношению к энергии. Однако при снабжении по присоединенной сети другими ресурсами в рамках отношений, построенных по модели энергоснабжения, имеет место совершенно аналогичное по своей экономической и правовой природе обязательство снабжающей организации осуществлять согласованную в договоре с потребителем деятельность по обеспечению готовности оборудования к выработке и передаче потребителю в пользование ресурсов. Это подтверждается, в частности, тем, что содержание данного обязательства можно описать практически теми же формулировками, которые приведены применительно к мощности энергии в п. 42 Правил ОРЭМ, а именно: как обязательство по поддержанию принадлежащего снабжающей организации на праве собственности или на ином законном основании технического оборудования в состоянии готовности к выработке ресурсов, в том числе путем проведения необходимых для этого ремонтов оборудования, и возмещение у потребителя соответствующего указанному обязательству снабжающей организации права требовать его надлежащего исполнения в соответствии с условиями заключенных договоров.

Таким образом, в соответствии с действующим в настоящее время

законодательством мощность в договорах на СЧПС – это характеристика предмета лишь двух видов этих договоров – на снабжение электрической и тепловой энергией. В литературе обращалось внимание на то, что плата потребителя за мощность является не платой за энергию, а платой за деятельность снабжающей организации по поддержанию генерирующего оборудования в работоспособном состоянии³⁷, что подтверждает сделанный нами вывод о мощности как отдельном от энергии, самостоятельном объекте правоотношения по энергоснабжению. В то же время применяемый в законодательстве по электроэнергетике термин и, как показано выше, даже его формулировка, можно распространить и на отношения, возникающие при снабжении по присоединенной сети другими ресурсами – нефтью, нефтепродуктами и холодной водой. Соответственно, применительно к юридическим объектам всех составляющих обязательства по СЧПС договоров можно было бы использовать термин «мощность технических устройств» или иной аналогичный термин.

Следует отметить, что термин «мощность энергии» применим и к материальному объекту договоров на энергоснабжение, но уже как количественный и качественный показатель потребляемой получателем энергии. При этом концепция правоотношений по СЧПС позволяет примирить сторонников изложенных выше противоположных взглядов на понятие мощности энергии, ибо на первой стадии договоров на энергоснабжение мощность является их юридическим объектом и выступает в виде осуществляемой снабжающей организацией деятельности по обеспечению готовности оборудования к выработке и передаче ресурсов

в согласованном в договоре с потребителем количестве и качестве, а на второй стадии договоров на энергоснабжение мощность является количественным и качественным показателем их материального объекта – передаваемой потребителю электрической и тепловой энергии.

**Следует отметить,
что термин «мощность
энергии» применим
и к материальному
объекту договоров
на энергоснабжение,
но уже как
количественный
и качественный
показатель потребляемой
получателем энергии**

Энергия как материальный объект договоров на энергоснабжение

Вопрос о юридической природе энергии (электрической и тепловой) как объекта договорных правоотношений в литературе однозначно не решен. Одни авторы, в частности М.М. Агарков, считают, что электроэнергия это «не вещь и не право». Близкую ему позицию занимает Е.Д. Шешенин, который, исходя из того, что энергия, как свойство материи, не является «ни вещью, ни работой», сделал вывод, что по договорам на снабжение электрической и тепловой энергией передается энергия как экономическое благо³⁸.

Однако если энергия не вещь, то становится непонятным, по поводу чего складываются отношения сторон – что именно доставляет (по М.М. Агаркову) электрическая станция и что передает (по Е.Д. Шешенину) энергоснабжающая организация. Очевидно, что «благо» для того, чтобы его можно было потреблять, должно иметь определенное материальное выражение. Электромагнитное поле, в форме которого существует электрическая энергия – это материальная среда, посредством которой взаимодействуют электрически заряженные тела. Способностью указанной материальной среды – электромагнитного поля – является производство ею работы при контакте с другими формами материи³⁹. Именно эта способность является потребительной стоимостью реализуемого товара – электроэнергии. Поэтому и предметом договора на электроснабжение является не абстрактное благо, а материальный вещественный объект – электроэнергия. На указанное обстоятельство обращалось внимание уже в самых ранних работах юристов. В 1928 году Н. Савельев отмечал, что по договору на электроснабжение потребитель получает нечто существующее, на что указывают родовые признаки электроэнергии (сила в свечах, вольтаж, количество киловатт-часов). Потребитель может сохранить электроэнергию, например, в аккумуляторах⁴⁰. Тем более нет оснований говорить о «невещественности» материального объекта на теплоснабжение – горячей воды и пара и газоснабжение – природного и искусственного газа. Е.А. Суханов обоснованно указывает, что объектом права собственности может быть не просто товар, а имущество, имеющее экономическую ценность, продукт труда, имеющий форму товара, т. е. присвоенный кем-то,

отвоеванный у природы в результате процесса производства. По его мнению, на производство и передачу энергии и газа, а также других ресурсов затрачивается труд, они имеют стоимость, являются продукцией специальных отраслей промышленности, имеют количественную и качественную оценку, как и все другие вещи. Поэтому к числу вещей в гражданском праве относятся также различные виды энергетических ресурсов и сырья, произведенных или добытых человеческим трудом и потому ставших товаром⁴¹.

С учетом изложенного следует полностью согласиться с высказанным в литературе мнением, что вещь в современном смысле слова – это физическое явление, имеющее материальное содержание. При определении границ таких вещей как электроэнергия, газ приходится пользоваться физическими мерами, тем не менее объектами правоотношений являются не физические понятия, а сами вещи⁴². Электрическая и тепловая энергия, газ являются вещами, если они произведены людьми и служат предметом передачи от одного участника обязательства к другому⁴³. Энергия, указывал В.Ф. Яковлев, это не вещественное, но в то же время материальное явление. Эти особенности определяют механизм правового регулирования энергетических отношений⁴⁴.

В то же время достаточно широко распространена точка зрения, согласно которой энергия характеризуется как «квазивещь» и ее нельзя отождествлять с имуществом. Так, А.Н. Лысенко пишет, что правовой режим энергии как объекта гражданских прав строится аналогично вещному, поэтому энергия выступает как «квазивещь», ее следует отождествлять с особым, нетелесным имуществом, определенным

родовыми признаками, и относить к «иному имуществу»⁴⁵. По мнению С.А. Свиркова, фикционный характер мощности как товара заложен в ее некорректном с правовой точки зрения определении, данном в п.42 Правил ОРЭМ, ибо оно допускает смешение таких обладающих совершенно различным правовым режимом понятий, как «товар» и «обязательственное право»⁴⁶. С.В. Матящук из содержания того же п. 42 Правил ОРЭМ делает вывод, что в момент заключения договора купли-продажи мощности у поставщика должна существовать реальная возможность создания «квазивещи» в будущем. Эту возможность она видит в том, что снабжающая организация должна в установленные сроки обеспечить готовность генерирующего оборудования (агрегатов) к выработке электроэнергии установленных договором количества и качества⁴⁷.

Однако никакого смешения «товара и обязательственного права» при энергоснабжении через присоединенную сеть нет – есть лишь разные объекты правоотношения. Как отмечалось выше, предмет договора на энергоснабжение распадается на идеологический, юридический и материальный объекты. Деятельность по обеспечению готовности генерирующего оборудования к выработке энергии – это юридический объект правоотношения («обязательственное право»), а передаваемая потребителю энергия – это материальный объект правоотношения («товар»). И оплачивает потребитель снабжающей организации как ее деятельность по обеспечению готовности оборудования к выработке электроэнергии (мощность генерирующих устройств), так и получаемую энергию, количественной и качественной характеристикой которой является мощность энергии.

Техническо-юридический характер законодательства о мощности

Само содержание понятия мощности предполагает значительный объем норм технического характера в актах, регламентирующих складывающиеся по ее поводу взаимоотношения. Каждой стадии правоотношения по энергоснабжению через присоединенную сеть соответствует свое понятие мощности как объекта этого правоотношения и, соответственно, специфический характер регламентирующих мощность технических и юридических норм.

Содержащиеся в законодательстве о мощности технико-юридические нормы определяют формирование в договорах на энергоснабжение технико-договорных условий. М.Ф. Казанцев пишет, что технико-договорные условия – это договорные условия, которые формируются под воздействием технико-юридических норм (преимущественно) или по согласованию сторон и с большой степенью детализации моделируют договорное правоотношение (поведение), непосредственно сопряженное с воздействием на предметы материального мира, в том числе на предмет договора⁴⁸.

Мощность как юридический объект первой стадии развития договоров на энергоснабжение выступает в виде осуществляемой снабжающей организацией деятельности по обеспечению готовности оборудования к выработке и передаче энергии в предусмотренном договором с потребителем количестве и качестве, а на второй стадии мощность является количественным и качественным показателем энергии как материального объекта правоотношения по СЧПС. Соответствующим образом различается содержание технико-договорных условий на каждой из указанных стадий

правоотношения по СЧПС, формирующихся под воздействием регламентирующих рассматриваемые отношения технико-юридических норм.

В литературе обращалось внимание на то, что в системе энергетического законодательства институт технического регулирования является одним из важнейших. Его роль предопределяется прежде всего тем, что основные документы – технические регламенты – призваны обеспечить безопасность при осуществлении хозяйственной деятельности в сфере энергетики; охрану окружающей среды; энергетическую эффективность и ресурсосбережение⁴⁹.

В Федеральном законе от 26 марта 2003 г. «Об электроэнергетике»⁵⁰ техническое регулирование понимается как метод государственного регулирования электроэнергетики, о чем, в частности, прямо сказано в статье 20 закона. В качестве основных принципов государственного регулирования и контроля в электроэнергетике указанная статья предусматривает: обеспечение единства технологического управления Единой энергетической системой России, надежного и безопасного функционирования Единой энергетической системы России и технологически изолированных территориальных электроэнергетических систем; обеспечение энергетической и экологической безопасности электроэнергетики; экономическая обоснованность оплаты мощности генерирующих объектов поставщиков в части обеспечения выработки электрической энергии.

Закон содержит основополагающие указания о технико-юридической регламентации отношений по энергоснабжению и является базой практически для всех принятых в этой сфере в его исполнение подзаконных нормативных актов. В п.1 ст. 5 закона установлена норма

о том, что технологическую основу функционирования электроэнергетики составляют единая национальная (общероссийская) электрическая сеть, территориальные распределительные сети, по которым осуществляется передача электрической энергии, и единая система оперативно-диспетчерского управления. Пункт 3 этой статьи содержит прямое указание, что субъекты электроэнергетики обязаны соблюдать требования технических регламентов в сфере функционирования Единой энергетической системы России. Согласно ст. 7 закона Единая национальная (общероссийская) электрическая сеть представляет собой комплекс электрических сетей и иных объектов электросетевого хозяйства. Проектный номинальный класс напряжения, характеристики пропускной способности, реверсивности потоков электрической энергии и иные технологические характеристики объектов электросетевого хозяйства, входящих в единую национальную (общероссийскую) электрическую сеть, порядок ведения реестра указанных объектов утверждаются Правительством Российской Федерации⁵¹.

Ряд важных технико-юридических норм содержится в ст. 21 закона и выпущенных в соответствии с ними подзаконных нормативных актах. Так, согласно п.1 указанной статьи Правительство РФ в соответствии с законодательством Российской Федерации об электроэнергетике: устанавливает критерии и порядок отнесения объектов электросетевого хозяйства к единой национальной (общероссийской) электрической сети; определяет порядок и условия строительства и финансирования объектов электроэнергетики, порядок вывода объектов электроэнергетики в ремонт и из эксплуатации⁵²; утверждает порядок разработки, согласования и утверждения

схем и программ развития единой национальной (общероссийской) электрической сети на долгосрочный период; устанавливает порядок технологического присоединения энергопринимающих устройств юридических лиц и физических лиц к электрическим сетям⁵³; устанавливает правила оказания услуг по обеспечению системной надежности, услуг по обеспечению вывода Единой энергетической системы России из аварийных ситуаций, услуг по формированию технологического резерва мощности⁵⁴; утверждает порядок расследования причин аварий в электроэнергетике; утверждает основные направления государственной политики в сфере повышения энергетической эффективности электроэнергетики⁵⁵; устанавливает правила, критерии и порядок квалификации генерирующего объекта, функционирующего на основе использования возобновляемых источников энергии⁵⁶; утверждает правила технологического функционирования электроэнергетических систем; устанавливает критерии и порядок отнесения владельцев объектов электросетевого хозяйства к территориальным сетевым организациям, в том числе исходя из технических характеристик таких объектов.

П. 2 ст. 21 закона предусматривает, что Правительство РФ или уполномоченные им федеральные органы исполнительной власти (непосредственно) осуществляют: определение условий и порядка поддержания резервов мощностей, а также механизмов компенсации владельцам резервируемых мощностей соответствующих затрат; утверждение методики определения и порядка компенсации потерь электрической энергии в электрических сетях, а также нормативов таких потерь⁵⁷; утверждение порядка ведения реестра выдачи и погашения

сертификатов, подтверждающих объем производства электрической энергии на функционирующих на основе использования возобновляемых источников энергии квалифицированных генерирующих объектах⁵⁸; утверждение стандартов раскрытия субъектами оптового и розничных рынков информации об их продукции для потребителей и контроль за соблюдением этих стандартов⁵⁹; утверждение методики комплексного определения показателей технико-экономического состояния объектов электроэнергетики, в том числе показателей физического износа и энергетической эффективности объектов электросетевого хозяйства, и порядка осуществления мониторинга таких показателей; утверждение единых стандартов качества обслуживания сетевыми организациями потребителей услуг сетевых организаций⁶⁰; утверждение правил организации учета электрической энергии на розничных рынках⁶¹.

Вышеперечисленные нормы ФЗ «Об электроэнергетике», как

и изданные в их исполнение нормативные акты носят технико-юридический характер. Среди подзаконных актов следует, наряду с вышеперечисленными, отметить Приказ Министерства промышленности и энергетики РФ от 23 мая 2006 г. N 112⁶², в котором содержится определение системы технического регулирования в отрасли: это упорядоченная определенным образом совокупность объектов технического регулирования, для каждого из которых определены набор обязательных и добровольных требований, формы оценки соответствия этим требованиям, а также возможности их скоординированного использования в данной и смежных отраслях⁶³.

Таким образом, в процессе экономико-правовой деятельности по энергоснабжению через присоединенную сеть налицо взаимосвязь и взаимодействие юридических и технических норм. Технические нормы (техническая регламентация), по сути дела, являются вспомогательным правовым инструментом возникновения, развития

и реализации договоров на энерго-снабжение. М.Н. Семякин, рассматривая механизм гражданско-правового управления качеством продукции, указывал, что технико-юридические нормы есть система установленных (санкционированных) компетентными органами специальных юридических правил, посредством которых придается правовая сила соответствующим техническим решениям⁶⁴.

Исходя из этого, мощность в энергетике как объект технико-юридической регламентации можно определить как установленные компетентными органами специальные юридические правила, посредством которых устанавливаются технические характеристики оборудования, соблюдение которых позволяет обеспечить готовность генерирующего оборудования снабжающей организации к выработке энергии предусмотренного договором количества и качества, а также технические характеристики мощности передаваемой энергии. **■**

¹ Бельх В.С. Гражданско-правовое обеспечение качества продукции, работ и услуг. Сб. науч. тр. / Отв. ред. к.ю.н. О.А. Герасимов. – Екатеринбург: Бизнес, менеджмент и право, 2007. – С. 89.

² См.: Лысенко А.Н. Имущество в гражданском праве России. – М.: Деловой двор, 2010. – С. 65 // ИПС КонсультантПлюс.

³ «Собрание законодательства РФ», 17.04.1995, № 16, ст. 1316

⁴ «Собрание законодательства РФ», 05.11.2007, № 45, ст. 5427

⁵ «Собрание законодательства РФ», 04.04.2011, № 14, ст. 1916

⁶ «Собрание законодательства РФ», 04.04.2011, № 14, ст. 1916

⁷ См.: Лысенко А. «Мощность» как самостоятельный объект гражданского оборота // Хозяйство и право. 2008. – № 12. – С. 43–47.

⁸ Стофт С. Экономика энергосистем. Введение в проектирование рынков электроэнергии: Пер. с англ. – М: Мир, 2006. – С. 514.

⁹ Свириков С.А. Основные проблемы гражданско-правового регулирования оборота энергии. – М.: Статут, 2013. – С. 31.

¹⁰ См.: Яковлев В.Ф. Правовое государство: вопросы формирования. – М.: Статут, 2012. – С. 307.

¹¹ Кирюхина Е.В. Правовые проблемы построения конкурентного оптового рынка электрической энергии и мощности: Автореф. дис... канд. юрид. наук. – М., 2008; Лапач Л.В. Проблемы строения категории «имущество» в российском гражданском праве: Автореф. дис... канд. юрид. наук. – Ростов-на-Дону, 2007. – С. 9, 21.

¹² См.: Постатейный научно-практический комментарий к Федеральному закону «Об электроэнергетике» / Под общ. ред. канд. юрид. наук В.Ю. Синюгина. – М.: Деловой экспресс, 2003. – С. 29–30.

¹³ См. Матияцук С.В. Комментарий к Федеральному закону от 26 марта 2003 г. № 35-ФЗ «Об электроэнергетике», Постатейный. «Юстицинформ», 2012; Никольский С. Торговля мощностью – что это? // <http://www.vegaslex.ru/db/msg/7051> (07.2008).

¹⁴ См.: Попов П.А. Энергетик обеспечивает мощность, финансист – денежный поток, а законодатель – фикцию? Комментарий к проблеме оборота «генерирующей мощности» в энергетике // Энергетическое право. 2009. № 1. – С. 54–56.

¹⁵ См., например: Варламова А. О некоторых проблемах договорных отношений на рынке электроэнергии // Хоз-во и право. 2006. № 12. – С. 9.

¹⁶ Нестолый В.Г. Гражданско-правовые формы снабжения электроэнергией по российскому законодательству: Автореф. дис... канд. юрид. наук. – Владивосток, 2011. – С. 13.

¹⁷ Сейнаров Б.М. Договор энергоснабжения // Вестник ВАС РФ. 2000. № 7. – С. 118.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Не только количество тока, но также его напряжение и частота характеризуют мощность передаваемой потребителю электроэнергии. В литературе отмечалось что мощность – это работа электрического тока в единицу времени, в цепи постоянного тока мощность равна произведению напряжения и тока (См.: Яковлев В.Ф. Указанная работа, С.297–305). Также обращалось внимание и на то, что обеспечиваемая энергосистемой в целом (следовательно и конкретной энергоснабжающей организацией как ее элементом) частота электрического тока является одним из показателей качества электрической энергии и важнейшим параметром режима

- энергосистемы, значение частоты показывает текущее состояние баланса генерируемой и потребляемой активной мощности в энергосистеме (См.: Матияшук С.В. Комментарий к Федеральному закону от 26 марта 2003 г. № 35-ФЗ «Об электроэнергетике» (постатейный). – М.: Юстицинформ, 2012. – С.68–69).
- ²⁰ См. Шафир А.М. Система хозяйственных договоров на снабжение электрической, тепловой энергией и газом: Дис...канд. юрид. наук. М., 1982. 208с.; Его же: Энергоснабжение предприятий (правовые вопросы), – М.: Юрид. лит., 1990. – 144 с.
- ²¹ В современной юридической литературе превалирует концепция, согласно которой по предусмотренной в § 6 «Энергоснабжение» главы 30 ГК РФ модели договора на энергоснабжение заключаются и исполняются не только договоры на снабжение электрической энергией, но и договоры на снабжение тепловой энергией, газом, нефтью, нефтепродуктами, водой и другими товарами через присоединенную сеть. При этом к снабжению через присоединенную сеть всеми иными кроме электроэнергии товарами правила о договоре энергоснабжения применяются, если иное не установлено законом и иными правовыми актами (См.: Брагинский М.И., Витрянский В.В. Договорное право. Книга вторая: Договоры о передаче имущества. – М.: Статут, 2000. – С. 137–138.)
- ²² Термин применен нами по аналогии с получившим в литературе признание понятием «модели договоров по энергоснабжению» для характеристики специфики опосредствуемых данными договорами экономических отношений.
- ²³ См.: Шафир А.М. Модель договора на энергоснабжение через присоединенную сеть и специфика опосредствуемых им экономических отношений. В кн.: Государственное и договорное регулирование предпринимательской деятельности: коллективная монография / под науч. ред. профессора В.С. Белья – М.: Проспект, 2015. – С. 205–236.
- ²⁴ Аббревиатура СЧПС (снабжение через присоединенную сеть) применительно к исследуемой в настоящей статье группе договоров впервые была использована нами в диссертации.
- ²⁵ См.: Александров Н.Г. Законность и правоотношения в советском обществе. – Госюриздат, 1955. – С.117, 119; Гримм Д.Д. К учению об объектах прав // Вестник права: журнал С.-Петерб. юрид. об-ва. 1905. – Кн. 7. – С. 161–162; Гражданское право: Учебник: В 2 т. / Под ред. М.М.Агаркова, Д.М.Генкина. М., 1944. – Т. 1. – С. 72; Халфина Р.О. Общее учение о правоотношении. – С. 214.
- ²⁶ См.: Иоффе О.С. Избранные труды по гражданскому праву: из истории цивилистической мысли. Гражданское правоотношение. Критика теории «хозяйственного права». – М., 2009. – С. 589.
- ²⁷ См.: Советское гражданское право / Под ред. Д.М.Генкина. – М.: Юриздат, 1950. С.110–111; Иоффе О.С. Советское гражданское право (Курс лекций). Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1958, С.170; Толстой Ю.К. К теории правоотношения. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1959. – С. 48–67.
- ²⁸ См.: Родионова О.М. Механизм гражданско-правового регулирования в контексте современного частного права. – М.: Статут, 2013. – С. 211.
- ²⁹ См.: Александров Н.Г. Законность и правоотношения в советском обществе. – Госюриздат, 1955. – С. 117.
- ³⁰ См.: Гордон М.В. Советское гражданское право. – М.: Госюриздат, 1955. – С. 168–169.
- ³¹ См.: Иоффе О.С. Советское гражданское право (Курс лекций). – С. 168–169; Его же: Избранные труды по гражданскому праву: Из истории цивилистической мысли. Гражданское правоотношение. Критика теории «хозяйственного права». – С. 589.
- ³² См.: Родионова О.М. Указанная работа. – С. 211.
- ³³ См.: Корнеев С.М. Договор о снабжении электроэнергией. – М.: Госюриздат, 1956. – С. 6; Садиков О.Н. Правовые вопросы газоснабжения. – М.: Госюриздат, 1961. – С. 61; Сейнаров Б.М. Правовые вопросы договора на снабжение электроэнергией предприятий и организаций, Алма-Ата, Изд-во Казахстан, 1975. – с. 52; Плиев Э.Г. Правовое регулирование снабжения газом в СССР, Дисс. канд. юрид. наук. – М.: 1974. – С. 57.
- ³⁴ См.: Договоры в социалистическом хозяйстве. – М.: Юрид.лит., 1964. – С. 225.
- ³⁵ См.: Белов В.А. Гражданско-правовые формы отношений снабжения через присоединенную сеть. – Проблемы современной цивилистики: Сборник статей, посвященных памяти профессора С.М.Корнеева. – М.: Статут, 2013. – С. 175.
- ³⁶ Лысенко А.Н. Имущество в гражданском праве России. – С. 57.//ИПС КонсультантПлюс.
- ³⁷ См.: Матияшук С.В. Рынок мощности: сущность и правовая природа // Законодательство. 2009. – № 3. – С. 32–35.
- ³⁸ См.: Агарков М.М. Подряд (текст и комментарий к ст.ст. 220–235 Гражданского кодекса). – М.: Право и жизнь, 1924. – С. 13–14.; Шешенин Е.Д. К вопросу о понятии хозяйственного договора и его соотношении с договором хозяйственных услуг: Сб. ученых трудов Свердловского юрид. Ин-та, вып.4. – Свердловск, 1964. – С. 244.
- ³⁹ См.: Гусейханов М.К., Раджабов О.Р. Концепция современного естествознания: Учебник. – 7-е изд., перераб. и доп. – М.: Издательско-торговая корпорация «Дашков и К», 2009. – С.167–169.
- ⁴⁰ См.: Савельев Н.Ю. Юридическая природа договора о пользовании электроэнергией. – Рабочий суд. 1928. – С. 51.
- ⁴¹ См.: Суханов Е.А. Лекции о праве собственности. – М., 1991. – С. 25–26; Гражданское право: Учебник / Под редакцией Е.А.Суханова. Т. 2. – М., 1994. – С. 120; Гражданское право: Учебник / Под редакцией Е.А.Суханова. Т. 1. – М., 1998. – С. 301.
- ⁴² См.: Васильев Ю.С. Объекты права государственной социалистической собственности. – В кн.: Проблемы охраны прав граждан и организаций в свете положений Конституции СССР. – М., 1980. – С. 12.
- ⁴³ См.: Толстой В.С. Исполнение обязательств. – М.: Юрид.лит., 1978. – С. 86.
- ⁴⁴ См.: Яковлев В.Ф. Указанная работа. – С. 300.
- ⁴⁵ См.: Белов В.А. Гражданское право: Учебник. Общая часть. – М., 2002. – С. 181.
- ⁴⁶ См.: Свирков С.А. Указанная работа. – С. 195.
- ⁴⁷ Матияшук С.В. Рынок мощности: сущность и правовая природа // Законодательство. 2009. – № 3. – С. 32–35.
- ⁴⁸ См.: Казанцев М.Ф. Техничко-юридические нормы в механизме договорного регулирования хозяйственных связей по поставкам: Дис... канд. юрид. наук. Свердловск, 1985. – С. 77–78.
- ⁴⁹ См.: Ершова И.В. Институт технического регулирования энергетического права: формирование в условиях модернизации экономики России // Юрист, 2013. – № 21. – С. 12–14.
- ⁵⁰ «Собрание законодательства РФ», 31.03.2003, № 13, ст. 1177.
- ⁵¹ См.: Постановление Правительства РФ от 28.10.2003 № 648 «Об утверждении Положения об отнесении объектов электросетевого хозяйства к единой национальной (общероссийской) электрической сети и о ведении реестра объектов электросетевого хозяйства, входящих в единую национальную (общероссийскую) электрическую сеть», «Собрание законодательства РФ», 03.11.2003, № 44, ст. 4315.
- ⁵² Постановление Правительства РФ от 26.07.2007 № 484 «О выводе объектов электроэнергетики в ремонт и из эксплуатации» «Собрание законодательства РФ», 30.07.2007, № 31, ст. 4100.
- ⁵³ Постановление Правительства РФ от 27.12.2004 № 861 «Об утверждении Правил недискриминационного доступа к услугам по передаче электрической энергии и оказания этих услуг, Правил недискриминационного доступа к услугам по оперативно-диспетчерскому управлению в электроэнергетике и оказания этих услуг, Правил недискриминационного доступа к услугам администратора торговой системы оптового рынка и оказания этих услуг и Правил технологического присоединения энергопринимающих устройств потребителей электрической энергии, объектов по производству электрической энергии, а также объектов электросетевого хозяйства, принадлежащих сетевым организациям и иным лицам, к электрическим сетям». «Собрание законодательства РФ», 27.12.2004, № 52 (часть 2), ст. 5525.
- ⁵⁴ Постановление Правительства РФ от 03.03.2010 № 117 «О порядке отбора субъектов электроэнергетики и потребителей электрической энергии, оказывающих услуги по обеспечению системной надежности, и оказания таких услуг, а также об утверждении изменений, которые вносятся в акты Правительства Российской Федерации по вопросам оказания услуг по обеспечению системной надежности». «Собрание законодательства РФ», 22.03.2010, № 12, ст. 1333.
- ⁵⁵ Распоряжение Правительства РФ от 08.01.2009 № 1-р «Об основных направлениях государственной политики в сфере повышения энергетической эффективности электроэнергетики на основе использования возобновляемых источников энергии на период до 2020 года». «Собрание законодательства РФ», 26.01.2009, № 4, ст. 515.
- ⁵⁶ Постановление Правительства РФ от 03.06.2008 № 426 «О квалификации генерирующего объекта, функционирующего на основе использования возобновляемых источников энергии».
- ⁵⁷ Приказ Минэнерго России от 07.08.2014 № 506 «Об утверждении Методики определения нормативов потерь электрической энергии при ее передаче по электрическим сетям» (Зарегистрировано в Минюсте России 17.09.2014 № 34075).
- ⁵⁸ Постановление Правительства РФ от 17.02.2014 № 117 «О некоторых вопросах, связанных с сертификацией объемов электрической энергии, производимой на функционирующих на основе использования возобновляемых источников энергии квалифицированных генерирующих объектах». «Собрание законодательства РФ», 24.02.2014, № 8, ст. 813.
- ⁵⁹ Постановление Правительства РФ от 17.02.2014 № 117 «О некоторых вопросах, связанных с сертификацией объемов электрической энергии, производимой на функционирующих на основе использования возобновляемых источников энергии квалифицированных генерирующих объектах». «Собрание законодательства РФ», 24.02.2014, № 8, ст. 813.
- ⁶⁰ Приказ Минэнерго России от 15.04.2014 № 186 «О Единых стандартах качества обслуживания сетевыми организациями потребителей услуг сетевых организаций» (Зарегистрировано в Минюсте России 18.06.2014 № 32761), «Российская газета», № 175, 06.08.2014.
- ⁶¹ Постановление Правительства РФ от 04.05.2012 № 442 «О функционировании розничных рынков электрической энергии, полном и (или) частичном ограничении режима потребления электрической энергии». «Собрание законодательства РФ», 04.06.2012, № 23, ст. 3008.
- ⁶² На основании Указа Президента РФ от 12 мая 2008 г. № 724 Министерство промышленности и энергетики РФ преобразовано в Министерство промышленности и торговли РФ и Министерство энергетики РФ. Функции федерального органа исполнительной власти по техническому регулированию возложены на Министерство промышленности и торговли РФ // СЗ РФ. 2008. № 20. Ст. 2290.
- ⁶³ Приказ Министерства промышленности и энергетики РФ от 23 мая 2006 г. № 112 «Об утверждении Методических рекомендаций по созданию систем технического регулирования в отраслях и сферах деятельности» // Вестник технического регулирования. 2006. № 6.
- ⁶⁴ Семякин М.Н. Гражданско-правовые формы управления качеством продукции. – Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1990. – С. 50, 55.

Санитарные правила и нормы: возможно ли распространить их действие на отношения, возникшие до вступления указанных правил в силу?

Гаевская Е.Ю., к. ю. н., доцент кафедры земельного и экологического права УрГЮУ,
Вагина О.В., к. ю. н., доцент кафедры земельного и экологического права УрГЮУ

Аннотация:

В данной статье авторы анализируют правовую природу санитарных правил и норм, рассматривают различные точки зрения ученых, связанных с вопросом возможности придания обратной силы нормативно-правовым актам и делают вывод, касающийся возможности распространения действия СанПиНов на отношения, которые возникли до вступления их в силу.

Ключевые слова:

нормативные акты, санитарные правила и нормы, обратная сила закона.

Екатерина ГАЕВСКАЯ

Для начала определимся с правовой природой Санитарных правил и норм (далее – СанПиН), которые являются государственными *подзаконными нормативно-правовыми актами* с описаниями и требованиями безопасных и безвредных для человека, популяции людей и потомков факторов среды обитания и их оптимальных и безопасных количественных параметров с целью сохранения здоровья и нормальной жизнедеятельности¹.

Направлены на предотвращение распространения и ликвидацию инфекционных, массовых неинфекционных заболеваний и отравлений².

СанПиНы обязательны для соблюдения физическими и юридическими лицами, государственными и муниципальными органами, должностными лицами независимо от их подчиненности и форм собственности. Строительные нормы и правила, правила охраны труда, ветеринарные правила, фито-санитарные правила и другие нормативные правовые подзаконные акты не должны противоречить СанПиНам. За их нарушение предусматривается административная и уголовная ответственность.

Таким образом, определившись, что СанПиНы являются разновидностью нормативно-правовых актов, перейдем к рассмотрению вопроса, касающегося обратной силы указанных официальных документов.

Придание обратной силы закону (нормативно-правовому акту) является исключительной разновидностью его действия во времени, т. е. это распространение действия

Ольга ВАГИНА

нормативного правового акта на отношения, которые возникли до его вступления в силу. Придание акту обратной силы означает реализацию его норм применительно к отношениям, которые возникли до вступления его в юридическую силу, т. е. распространение его на прошлое время³.

Как указал Конституционный Суд РФ, *общим (основным) принципом действия закона во времени является распространение его на отношения, возникшие после введения*

его в действие. Вместе с тем законодатель вправе распространить новые нормы на факты и порожденные ими правовые последствия, которые возникли до введения соответствующих норм в действие, т. е. придать закону обратную силу⁴. При этом законодатель, реализуя свое право на придание закону обратной силы, учитывает специфику регулируемых правом общественных отношений.

Обратная сила закона является общеправовой категорией, используемой в различных отраслях права: гражданского (п. 2 ст. 4 ГК РФ), уголовного (п. 1 ст. 10 УК РФ), административного (п. 2 ст. 1.7 КоАП РФ), трудового (ч. 3 ст. 12 ТК РФ), налогового (п. 2 ст. 5 НК РФ) и др. Ряд ученых дают схожие определения термина «обратная сила закона»: Алексеев С. С. указывает, что «это распространение действия нового закона на факты и порожденные ими правовые последствия, которые возникли до введения в действие новых норм», Тилле А. А. отмечает – «обратная сила закона – это такое его действие на правоотношение, при котором новый закон предполагается существовавшим в момент возникновения правоотношений», Бахрах Д. Н. констатировал, что «обратная сила, являясь ревизионной силой нормы, предполагает пересмотр (ревизию) уже урегулированных в соответствии с ранее действовавшим законодательством прав и обязанностей».

Отмечая, что по юридической силе СанПиНы относятся не к уровню законов, а к подзаконным актам, рассмотрим вопрос, касающийся обратной силы актов, обладающих меньшей юридической силой, нежели законы (подзаконные нормативные акты).

Отраслевое законодательство различно определяет круг нормативных актов, которым может быть придана обратная сила: 1) одни

законодательные акты предусматривают, что обратная сила может придаваться только законам (п. 2 ст. 4 ГК РФ, п. 1 ст. 10 УК РФ, п. 1 ст. 54 Конституции РФ). На практике суды, как правило, придерживаются буквального толкования соответствующих норм, признается недопустимым придание обратной

Применение обратной силы на основании специальных норм (специального указания на это в нормативном акте)

силы актам, обладающим меньшей юридической силой⁵. Но в судебной практике встречается и противоположная позиция⁶. Однако первая точка зрения является преобладающей; 2) другие законодательные акты допускают придание обратной силы не только законам, но и иным правовым актам (п. 4 ст. 4 Федерального закона от 10.12.2003 № 173-ФЗ «О валютном регулировании и валютном контроле», ч. 4 ст. 5 НК РФ, ч. 2 ст. 6 ЖК РФ).

Анализ законодательства позволяет выделить две группы случаев применения обратной силы закона:

Применение обратной силы закона на основании общих норм Кон-

ституции РФ. В соответствии с ч. 2 ст. 54 Конституции РФ, если после совершения правонарушения ответственность за него устранена или смягчена, применяется новый закон. Эта норма Конституции имеет прямое действие (ч. 1 ст. 15 Конституции РФ) и применяется даже если в тексте закона не содержится специального указания о таком действии либо в правовом акте о порядке вступления закона в силу отсутствует подобная норма.

Применение обратной силы на основании специальных норм (специального указания на это в нормативном акте). Рядом законодательных актов предусмотрена возможность распространения обратной силы закона только в том случае, если на то есть специальное указание в самом правовом акте или законе о введении его в действие, а именно имеют обратную силу, только если прямо предусматривают это:

– акты законодательства о налогах и сборах, отменяющие налоги, сборы и (или) страховые взносы, снижающие налоговые ставки, размеры сборов и (или) тарифы страховых взносов, устраняющие обязанности налогоплательщиков, плательщиков сборов, плательщиков страховых взносов, налоговых агентов, их представителей или иным образом улучшающие их положение, если прямо предусматривают это (ч. 4 ст. 5 НК РФ);

– акты гражданского законодательства (абз. 2 п. 1 ст. 4 ГК РФ, п. 2 ст. 422 ГК РФ);

– акты, содержащие нормы трудового права (абз. 4 ст. 12 ТК РФ).

Проведенный анализ позволяет заключить, что в российском законодательстве и практике его применения *придание обратной силы закону рассматривается в качестве исключения из общего правила действия закона во времени, которое, однако, на практике имеет место.*

Для рассмотрения вопроса, касающегося придания обратной силы СанПиНам в качестве подзаконных актов, обратимся к судебной практике.

В Постановлении Новосибирского областного суда от 16 июля 2015 г. по делу № 4а-597-2015, применительно к СанПиНу 2.1.2.2844 «Санитарно-эпидемиологические требования к устройству, оборудованию и содержанию общежитий для работников организаций и обучающихся образовательных учреждений» был сделан вывод: «Довод жалобы о том, что санитарные правила и нормы были приняты после введения общежития в эксплуатацию и передачи его образовательному учреждению, в связи с чем не подлежат исполнению, является ошибочным, поскольку п. 1.2 указанных СанПиН устанавливает, что настоящие санитарные правила являются обязательными для исполнения всеми юридическими лицами и индивидуальными предпринимателями, деятельность которых связана не только с проектированием, строительством, реконструкцией, но и с эксплуатацией общежитий».

ФГБОУ ВПО «Сибирская государственная геодезическая академия» эксплуатирует здание общежития, расположенного: Новосибирск, ул. Писарева д. 36/1, следовательно, в силу положений ст. ст. 11, 24 Федерального закона от 30.03.1999 № 52-ФЗ «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения», обязано выполнять требования санитарного законодательства, осуществлять санитарно-противоэпидемические (профилактические) мероприятия и обеспечивать безопасные для человека условия быта и отдыха при эксплуатации здания общежития в соответствии с санитарными правилами и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации».

Обратим внимание, что и проблема распространения действия на ранее возникшие отношения интересующего нас СанПиНа – 2.1.2.2645–10 «Санитарно-эпидемиологические требования к условиям проживания в жилых зданиях и помещениях», утвержденные Постановлением Главного государственного санитар-

Из буквального содержания пункта 1.2 СанПиН 2.1.2.2645–10 следует, что данные санитарные правила устанавливают обязательные санитарно-эпидемиологические требования

ного врача РФ от 10.06.2010 № 64, была предметом рассмотрения в Верховном суде РФ.

Так, в Решении Верховного Суда РФ от 02.02.2015 № АКПИ14–1396 «Об отказе в удовлетворении заявления о признании частично недействующим пункта 1.2 санитарно-эпидемиологических правил и нормативов СанПиН 2.1.2.2645–10 «Санитарно-эпидемиологические требования к условиям проживания в жилых зданиях и помещениях», утв. Постановлением Главного государственного санитарного врача РФ от 10.06.2010 № 64, закреплено, что доводы заявителя о том, что

оспариваемые положения СанПиН допускают эксплуатацию в жилых зданиях смежно с жилой комнатой технических помещений и инженерного оборудования, размещенных до введения его в действие, независимо от соблюдения гигиенических нормативов по шуму, инфразвуку, вибрации, электромагнитным полям и других требований, установленных действующими санитарно-эпидемиологическими правилами, являются несостоятельными.

Из буквального содержания пункта 1.2 СанПиН 2.1.2.2645–10 следует, что данные санитарные правила устанавливают обязательные санитарно-эпидемиологические требования, в том числе к эксплуатации жилых зданий и помещений, предназначенных для постоянного проживания, и разработаны для граждан, индивидуальных предпринимателей и юридических лиц, деятельность которых связана с проектированием, строительством, реконструкцией и эксплуатацией жилых зданий и помещений, а также для органов, уполномоченных осуществлять государственный санитарно-эпидемиологический надзор. *Оспариваемые положения нормативного правового акта не содержат предписаний, в соответствии с которыми требования санитарных правил обязательны только при эксплуатации зданий, построенных после введения их в действие.*

Соблюдение санитарных правил в силу Федерального закона «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения» является обязательным для граждан, индивидуальных предпринимателей и юридических лиц (п. 3 ст. 39).

Ссылки заявителя на то, что требования п. 1.2 СанПиН 2.1.2.2645–10 не могут применяться при эксплуатации жилых помещений в жилых зданиях, возведенных

до введения в действие санитарно-эпидемиологических требований, не основаны на законе. По смыслу ст. 23 Федерального закона «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения» жилые помещения по площади, планировке, освещенности, инсоляции, микроклимату, воздухообмену, уровням шума, вибрации, ионизирующих и неионизирующих излучений *должны соответствовать действующим*

санитарно-эпидемиологическим требованиям. Несоблюдение этих требований при эксплуатации помещений, находящихся в зонах ранее сложившейся застройки, лишило бы жильцов, проживающих в жилых домах, где расположены эти помещения, равного с другими гражданами права на охрану здоровья и благоприятную окружающую среду, а в соответствии со статьями 41 (ч. 1), 42 Конституции Российской Федерации

каждый имеет право на охрану здоровья и благоприятную окружающую среду.

Таким образом, отвечая на вопрос, поставленный в теме статьи, можно сделать вывод, что санитарные правила и нормы могут распространять свое действие на отношения, которые возникли до вступления их в силу, только в случае прямого указания на это в самих СанПиНах. ☞

¹ Санитарные правила // Большой юридический словарь. Изд. 3. – М.: Инфра-М. А. Я. Сухарев, В. Е. Крутских, А. Я. Сухарева. 2010.; Комментарий к Федеральному закону от 30 марта 1999 г. № 52-ФЗ «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения». – М.: ЭлКниги. А. Кайль, Ю. Хлистун, Л. Савина, О. Пашкова. 2015.
² Бахрах Д. Н. Административное право России. Учебник для вузов. – М.: Норма, 2000. – С. 222.
³ Василевич С. Г. Обратная сила закона: основания и пределы // Вестник Московского университета МВД России. 2017. – № 6. – С. 203.

⁴ См. Определение Конституционного Суда РФ от 18.01.2005 № 7-О «По запросу Верховного Суда Российской Федерации о проверке конституционности статьи 7 Федерального закона «О дополнительных гарантиях социальной защиты судей и работников аппаратов судов Российской Федерации».
⁵ См. Постановление ФАС Волго-Вятского округа от 10.10.2012 по делу № А43-604/2012, Определение Верховного Суда РФ от 20.05.2015 № 44-АПГ15-4.
⁶ См. Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 11.09.2015 № Ф09-5128/15 по делу № А47-986/2014.

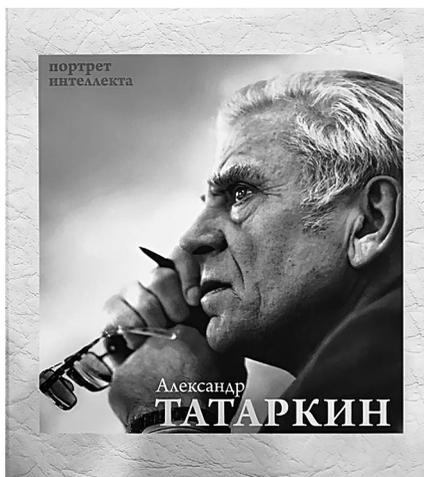
Воспоминания об Учителе, коллеге, товарище

Александр Иванович Татаркин – советский и российский экономист, доктор экономических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, академик РАН. Однако базовое образование – юридическое. В 1973 г. он окончил Свердловский юридический институт и стал работать на кафедре политэкономии: ассистентом, старшим преподавателем, доцентом кафедры.

Кафедра политэкономии имеет давнюю историю. Она возникла в 1945 г., выделившись из кафедры общественно-политических дисциплин. Одним из ее первых руководителей был П.О. Косяков – участник Великой Отечественной войны, впоследствии доктор экономических наук, профессор. В последующие годы кафедрой руководили профессор А.В. Моисеев, профессор А.П. Кудряшов. Особо хочется отметить А.С. Доброва, ставшего заведующим кафедрой в 1955 г. Именно Александру Семёновичу пришлось затратить немало усилий на подбор и воспитание кадров, укрепление учебно-методической базы¹.

В октябре 1977 г. Александр Иванович защитил кандидатскую диссертацию в Институте экономики УНЦ АН СССР. Тема диссертации «Экономическое стимулирование рационального использования материальных ресурсов в условиях полного хозрасчета: на опыте использования черных металлов в машиностроении». В 1981 г. был избран заведующим кафедрой политэкономии.

В своих воспоминаниях Александр Иванович пишет: «Меня судьба связала с факультетом (правовой службы в народном хозяйстве) в 1977 г., когда после окончания аспирантуры мне предложили альтернативу: либо стать освобожденным заместителем секретаря парткома Института по организационной работе, либо поработать в качестве заместителя Б.К. Бегичева.

Я выбрал второе и никогда не сожалел об этом, поскольку работа со студентами в качестве заместителя декана по своему содержанию очень близка к преподавательской работе, к чему я и стремился. Кроме того, кафедра политической экономии, на которой я работал преподавателем, а затем доцентом и заведующим, организационно входила в состав факультета правовой службы². Добавим, что кроме кафедры политической экономии за факультетом были закреплены в качестве выпускающей кафедра хозяйственного права (заведующий – профессор Якушев В.С.), кафедра трудового права (заведующий – профессор Молодцов М.В.), кафедра истории государства и права (заведующий – профессор Стародубский Б.А.), которые обеспечивали основную часть учебной и внеучебной нагрузки на факультете. Кстати, такое закрепление сохранилось до сих пор. Далее Александр Иванович отмечает,

что в ноябре 1978 г. из-за перенесенного инфаркта был вынужден уйти с деканской работы профессор Борис Константинович Бегичев. И он был избран деканом легендарного ФПСНХ, где проработал до июня 1981 г., до избрания его заведующим кафедрой политэкономии СЮИ. «Этот период стал для меня, всех сотрудников и студентов факультета, по существу, периодом формирования факультета как полноценного учебного и научного центра, решающего три принципиально важные для юридического образования задачи». *Первая задача* – продолжался процесс формирования и обкатки учебного плана с учетом потребности практики, мировых и отечественных тенденций в высшем образовании. *Вторая* – в этот период осуществлялась интенсивная работа по обеспечению учебного процесса на факультете квалифицированными преподавательскими кадрами, определению базовых предприятий для прохождения производственной практики. *Третья* – именно в этот период стало формироваться хозяйственно-правовое направление в рамках юридической науки. Первыми аспирантами факультета были Н.А. Федорова, Д.Н. Сафиуллин, В.С. Белых, А.В. Казаков, Г.Г. Пиликин, и др. Александр Иванович – замечательный преподаватель, любимый всеми студентами. Он вложил всю свою душу в формирование и развитие факультета. Успеваемость на факультете была высокой, учились с большим

желанием, многие студенты постоянно получали повышенные стипендии за хорошую учебу. Были поощрения и другого рода, например, благодарственные письма родителям. И, конечно, особая атмосфера на факультете, когда студенты чувствовали, что для них делается всё возможное (и невозможное) для успешной учебы, и они тоже старались оправдать доверие преподавателей. Эти теплые слова из воспоминаний Светланы Лиходумовой, студентке первого выпуска ФПСНХ, судьи Арбитражного суда Уральского округа³.

Итак, в июне 1981 г. Александр Иванович был избран заведующим кафедрой политэкономии СЮИ. Он сменил на этом посту профессора Е.С. Столярова, который возглавлял кафедру с 1975 по 1980 г., а затем с 1989 по 1997 г.

Однако второе вхождение в должность декана факультета правовой службы в народном хозяйстве произошло после защиты докторской диссертации «Оборотные средства хозрасчетного предприятия (объединения) в системе социалистического производства» в марте 1987 г. Защита диссертации состоялась в Ленинградском университете им. А.А. Жданова. В своих воспоминаниях Александр Иванович пишет: «Это уже был сформировавшийся факультет с устоявшимся учебным планом, десятилетним опытом функционирования и самое главное – с положительной оценкой работы его выпускников в различных юридических структурах». В частности, он особо отмечает ряд выпускников, которые пользовались заслуженным авторитетом среди юридической общественности (например, М.Ф. Казанцев, Н.Д. Мершина, Е.Г. Лисицына, М.Л. Скуратовский, Н.В. Шишкина, Г.В. Казакова, С.Н. Лиходумова и др.).

Однако, как известно, 7 сентября 1987 г. решением бюро Свердловского обкома КПСС Александр Иванович был переведен на должность заместителя директора по науке Института экономики Уральского отделения АН СССР, на базе которого в 1988-1989 гг. были созданы Институт философии и права и Институт истории и археологии УрО АН СССР. «Безусловно, грустно писать о своей работе на факультете в прошлом времени. Я всегда считал и продолжаю считать работу на факультете правовой службы (ныне Институт права и предпринимательства) своим первым и самым серьезным испытанием в трудовой биографии. И очень рад, что сотрудники и студенты факультета помогли мне это испытание преодолеть без ущерба для факультета». И мы тоже очень рады!

В 1985 г. я был назначен заместителем декана ФПСНХ. С октября 1984 г. по февраль 1987 г. деканат возглавлял профессор Владимир Шамильевич Шайхатдинов. В должности заместителя декана факультета я проработал около года. 02 декабря 1985 г. я вылетел в Лондон через Москву для прохождения научной стажировки в Лондонском университете, Queen Mary College.

После моего возвращения в Свердловск я продолжил свою преподавательскую работу на кафедре хозяйственного права. Однако в деканате ФПСНХ свободного места не было. В 1985 г. замом декана был назначен старший преподаватель кафедры хозяйственного права Александр Витальевич Казаков, который чуть позже, в 1987 г., возглавил руководство факультета. Тем не менее я не остался без общественной деятельности в СЮИ. Мне было предложена партийная стезя. Я был избран в состав комиссии по смотру боевитости членов партии института, которую

мы шуточно называли «смотровой комиссией».

После перехода Александра Ивановича в Институт экономики Уральского отделения наши личные контакты заметно сократились. Я продолжал заниматься не только преподавательской, но и научно-исследовательской работой.

Хочу особо отметить ряд мероприятий, в которых активно участвовал Александр Иванович Татаркин. В 2002 г. выпускниками ФПСНХ и фондом «Гармония и благодетель» был основан научно-практический, экономико-правовой журнал «Бизнес, менеджмент и право». На протяжении многих лет Александр Иванович помогал редакции журнала советами и делами. Особенно заметно его участие в получении журналом ВАКовского статуса.

Другой пример: в 2008 г. я руководил рабочей группой по подготовке проекта федерального закона «Об управлении собственностью» (открытый конкурс организован правительством Свердловской области). Идейным вдохновителем этого закона и закона о промышленной политике был Александр Иванович. Мы обсуждали концепцию и примерную структуру проектов законов.

И, конечно, издание в 2011 г. монографии «Модернизация российской экономики и предпринимательского законодательства: вопросы теории и практики» под общей редакцией академика РАН А.И. Татаркина. Именно Александр Иванович предложил тему монографии посвятить модернизации экономики в контексте модного и популярного в те годы политического бренда.

Перечень таких стадий жизненного цикла моего сотрудничества с Александром Ивановичем Татаркиным можно продолжить. Спасибо ему огромное!

Александр Иванович Татаркин, которому 11 марта 2021 г. исполнилось бы семьдесят пять лет, несомненно, вошел в историю России как один из выдающихся ученых, талантливый педагог и организатор науки. У него, как и у многих людей послевоенного времени, трудная, но насыщенная событиями и в целом счастливая судьба. Поэтому мы, его многочисленные ученики, выражаем своему Учителю чувства любви и благодарности за всё! Мы помним!

11 марта 2021 года в конференц-зале Института экономики УрО РАН состоялась презентация книги из знаменитой серии «Портрет интеллекта», посвященной Александру Ивановичу Татаркину. Презентация собрала в Институте экономики множество именитых гостей, хорошо знавших академика Татаркина. Все собравшиеся, большинство из которых стали соавторами книги об Александре Ивановиче

Татаркине, отметили своевременность выхода книги об академике и особо подчеркнули важность этого мемориального издания.

В 11:00 на здании института, который долгие годы возглавлял ака-

демик Татаркин, был торжественно открыт памятный барельеф знаменитому ученому.

Профессор В. С. Бельх

¹ См.: Свердловский юридический институт – 70- Уральская государственная юридическая академия/ отв. ред. М.И. Кондрашева, А.С. Смыкалин. – Екатеринбург, 2001. – С. 420-43.

² Воспоминания о прошлом и размышления о будущем/ составитель и отв. ред. В. С. Бельх. – Екатеринбург, 2007. – С. 15–19.

³ Воспоминания о прошлом и размышления о будущем/ составитель и отв. ред. В. С. Бельх. – Екатеринбург, 2007. – С. 182–183.

**Поздравляем
Георгия Геннадьевича Пиликина с юбилеем!**

29 мая 2021 года профессору кафедры предпринимательского права
Георгию Геннадьевичу Пиликину исполнилось 70 лет!

Являясь специалистом в сфере финансового, налогового и валютного права, вот уже на протяжении 45 лет Георгий Геннадьевич передает свои бесценные знания и опыт студентам Уральского государственного юридического университета.

Георгий Геннадьевич активно занимается научно-исследовательской работой в рамках указанных направлений. В 2014 году защитил диссертацию на соискание ученой степени доктора юридических наук на тему: «Становление финансового права как особой формы регулирования экономических отношений». Является автором целого ряда научных трудов, в том числе соавтором

монографий «Финансовый механизм и право» (2014 г.), «Формы и методы государственного управления в современных условиях развития» / Под общей ред. проф. Запольского С.В. (2017 г.), учебника «Гражданское право» / Под общ. ред. проф. Степанова С.А. (2020 г.).

Помимо осуществления преподавательской и научной деятельности Георгий Геннадьевич долгие годы состоял на государственной службе и занимал должность советника Генерального прокурора Российской Федерации по особым поручениям.

Среди сотрудников кафедры Георгий Геннадьевич зарекомендовал себя инициативным, отзывчивым

и готовым прийти на помощь человеку. В трудовом коллективе пользуется заслуженным уважением и доверием.

Георгий Геннадьевич, коллектив кафедры предпринимательского права искренне поздравляет Вас с юбилеем!

Желаем Вам крепкого здоровья, благополучия, творческого потенциала и осуществления всех Ваших идей!

*Коллектив кафедры
предпринимательского права
УрГЮУ*